

фемзин

WEIRD SISTERS

Выпуск № 3:

НЕВИДИМЫЕ ЖЕНЩИНЫ,
НЕВИДИМЫЙ ТРУД



Бишкек
Март 2015

WEIRD SISTERS

фемзин

Выпуск №3: Невидимые женщины, невидимый труд

Weird Sisters – ведьмы из шекспировского «Макбета» с неопределенной гендерной идентичностью (женщины с бородой). В современных интерпретациях пьесы встречается вариант «Queer Sisters».

*Мясо трех болотных змей,
Разварись и разопрей;
Пясть лягушки, глаз червяги,
Шерсть ушана, зуб дворняги,
Жало гада, клюв совенка,
Хвост и лапки ящеренка -
Для могущественных чар
Нам дадут густой навар.
Жарко, жарко, пламя ярко!
Хороша в котле заварка!*

Перевод М. Лозинского

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 Невероятно исчезающая женщина / W . S .**
- 11 Левая политика, феминизм и невидимый труд /**
Георгий Мамедов
- 19 Танк и сто безбожниц: как отмечали 8 марта в 1931**
году? / Оксана Шаталова
- 30 8 марта без цветов / Мохира Суяркулова**
- 41 Внутренняя мизогиния и внутренний сексизм.**
Часть 3: На рабочем месте / Айканыш Абылова
- 50 О чем говорят в женском коллективе? / W . S .**
- 58 В доме хаос и беспредел. Опрос о распределении**
домашнего труда / Оксана Шаталова
- 67 Рубрика «Сделай сам»: серия открыток-раскрасок**
«Блин, что подарить?» / Самат Мамбетшаев

Обложка, серия плакатов «Личный выбор»:
Оксана Шаталова

Редактура: Мохира Суяркулова

Корректурa: Оксана Шаталова

Дизайн и верстка: Самат Мамбетшаев

НЕВЕРОЯТНО ИСЧЕЗАЮЩАЯ ЖЕНЩИНА!

Еще сорок лет назад, на второй волне феминизма, казалось, что вот-вот женщины займут свои места у власти, в судах, среди руководства предприятий, в академии, в искусстве. Но если вы откроете любую газету, включите любой канал телевидения, создается впечатление, что история все еще вершится мужчинами в костюмах.

Исторически женский вклад в политику, искусство, науку и развитие технологий умалчивался, недооценивался или забывался. Женщины в буквальном смысле исчезают (точнее, стираются) из публичного поля – а значит, и со страниц истории.

Недавний случай с фотографией первого ряда марша солидарности в Париже, опубликованной ультраконсервативной газетой в Израиле, где немногих присутствующих влиятельных женщин Европы удалили с помощью графического редактора – тому отличная иллюстрация (<http://www.wonderzine.com/wonderzine/life/>)



news/203825-hamevasser). Как в фокусе иллюзиониста – вот женщина только что стояла перед нами, а вот ее и нет!

Женщины исчезают и потому, что им не разрешено иметь лицо и плоть, не позволено занимать жизненное пространство. Их тела тают от диет, лица прикрываются чадрой или превращаются в маски инъекциями токсина ботулизма, парализующего мимические мышцы. Эмбрионов женского пола абортируют как нежеланных. Рожденные же девочки умирают в младенчестве просто потому, что они не мальчики (о массовом явлении женского инфантицида в Индии и Китае читай здесь: <http://www.mediascope.ru/node/721>).

Но даже если вам как женщине повезло родиться, в каждой последующей стадии своей жизни – переходя из девичества в зрелость, а после старея – вы будете становиться все более невидимой. Многие женщины описывают чувство прозрачности – особенно те, что не соответствуют общепринятым стандартам привлекательности – толстые женщины, женщины с ограниченными возможностями, представители других маргинализированных групп, выпадающих из «нормы». Если женщина не может быть объектом желания и выполнять репродуктивную функцию, она тоже становится невидима для взгляда общества. Это ощущение, испытываемое и описанное многими пожилыми женщинами, получило название «синдрома невидимой женщины» (<http://www.smh.com.au/lifestyle/life/the-mysterious-case-of-the-disappearing-women--20130119-2czy8.html>).

Труд, выполняемый женщинами – каким бы он ни был – становится невидимым, обесценивается. Такая работа представляется неквалифицированной, «природной», а, следовательно, незатруднительной и не требующей оплаты (вообще или равной оплате аналогичной работы, выполняемой мужчинами). Многие виды деятельности (обычно скучные, трудные, но необходимые для обеспечения воспроизводства общества – так называемый «репродуктивный труд») получают ярлык «женской работы», и, следовательно, «не настоящей работы», так как обычно она не/низко оплачивается.

Вся жизнь мужчин, занимающихся работой, считающейся «важной» и «стоящей», обеспечивается невидимым трудом мам, жен,

сестер и других женщин, обслуживающих их с колыбели до гроба. Очевидный пример – уход за ребенком. Этот труд определяется как ответственность женщины, основываясь на стереотипах о «естественных» качествах женщин как чадолюбивых заботливых уборщицах-поварихах-прачках, движимых природным инстинктом, поставляемым в комплекте с функционирующей маткой. А так как такая женщина считается от природы склонной к домашней работе, это используется для дискредитации ее полезности для общества. О таких женщинах принято говорить, что они «сидят дома, не работают».

Однако обесценивание женского труда происходит не только в отношении домашней работы. Часто случается так, что как только женщины массово входят в некую область труда, эта работа начинает считаться непрестижной и становится низкооплачиваемой. Так произошло с медицинской и учительской профессиями в постсоветском регионе – эти области почти полностью феминизированные и, как следствие, потерявшие престиж, с низкой оплатой труда. Женщины чаще получают работу в более низкооплачиваемых сегментах рынка труда – существует сегрегация по половому признаку, – женщинам часто даже законодательно запрещено заниматься определенными видами деятельности (<http://www.jobijoba.ru/topics/digest/ne-zhenskoye-delo>).

На работе женщинам часто приходится встречаться с дискриминацией и бытовыми проявлениями сексизма. Женщину, где и кем бы она ни работала, зачастую принимают за секретаршу или прислугу, за «девочку-отличницу» или «суку-карьеристку». Часто на совещаниях женщину «не слышат», когда она высказывает дельное предложение, а когда минутой позже коллега-мужчина озвучивает ту же идею, ее встречают похвалой и одобрением. Женщины репродуктивного возраста считаются по определению временными работниками, так как «им еще замуж выходить и рожать». Моя знакомая, многие годы руководившая предприятием, призналась, что с опаской нанимает молодых женщин, так как существует риск, что они забеременеют и пойдут в декрет. К сожалению, внутренний сексизм, усвоенный многими женщинами, воспроизводит стереотипы и продолжает дискриминацию – здесь, как и в других сферах, женщины смотрят на себя патриархально-мужским взглядом и оценивают согласно заведомо проигрышным критериям.

В сфере новых медиа и технологий женщины также борются за признание своего существования и вклада. Блогосфера и интернет страдают теми же сексистскими предубеждениями, что и традиционные средства информации и коммуникации. Исследования показали, что женщины имеют меньшее присутствие и пользуются меньшим авторитетом и уважением в качестве компетентных пользователей и экспертов, подвергаются травле и домогательствам в киберпространстве (http://www.huffingtonpost.com/astra-taylor/the-disappearing-woman-online_b_5125176.html). Однако успех этой глубоко мизогинной сферы передовых технологий зависит от труда женщин, выполняющих огромную работу, необходимую для успешного функционирования приложений и улучшения программного обеспечения корпораций. Эти женщины работают в условиях секретности – ведь они исполняют роль «механического турка», то есть фальшивого механизма, скрывающего человеческий труд – часто из своих домов, абсолютно лишенные социальной защиты и даже права на зарплату прожиточного минимума (<http://thenewinquiry.com/essays/the-ladies-vanish/>). Невидимые ра-



ботницы кибертруда кропотливо выполняют задачи, которые не могут выполнить компьютеры, не получая за это ни признания, ни адекватной денежной компенсации.

К сожалению, даже в таких прогрессивных полях деятельности, как современное искусство, активизм и даже в левом движении труд женщин часто обеспечивает деятельность мужчин-художников, борцов за равноправие и против дискриминации. Этой теме невидимости и неблагодарного репродуктивного труда были посвящены многие работы выставки «Феминистская (арт)критика», состоявшейся в Минске в ноябре 2014 года. Наша товарищка по Weird Sisters Оксана Шаталова участвовала в ней с серией плакатов, обнажающих эту эксплуатирующую динамику в арт- и активистской среде. Первые два выпуска нашего зина также были представлены на выставке. Мы также провели блиц-опрос среди участниц и посетительниц выставки, спросив о том, как они сами распределяют домашние обязанности со своими партнер_ками. О результатах опроса читайте в обзоре «В доме хаос и беспредел».



Этот выпуск мы приурочили к международному женскому дню – 8 марта. На постсоветском пространстве этот день из дня борьбы за равные права женщин-тружениц превратился в «праздник весны и красоты», когда женщины должны с благодарностью принимать комплименты своей «женственности, очарованию и хрупкости» и готовить праздничный стол для семьи в этот выходной день, вместо того, чтобы выйти на демонстрацию протеста против продолжающейся дискриминации и сексуальных домогательств на рабочем месте, неравной оплаты труда, низкой пенсии, отсутствия доступных детских садов и яслей, оплаченного декретного отпуска. Но в этот день уместно не только говорить о борьбе, которая еще далеко не закончена, но и отпраздновать все замечательные достижения женского движения. В этом выпуске мы хотим вспомнить о первоначальном значении этого праздника. Мы желаем, чтобы его символами стали не цветы и нелепый набор атрибутов «настоящей женщины», а признание женщин и их вклада, их видимость и субъективность.

Мы существуем, мы отказываемся быть невидимыми и, нет, спасибо, мы не хотим цветов!

W.S.

Фото и плакаты Оксаны Шаталовой на стр.:

4, 7, 8: «Чадра» (2007)

10, 40, 49, 57, 66: «Личный выбор» (2014)

Мать левого теоретика
осуждает инструментализацию
человека



ЛЕВАЯ ПОЛИТИКА, ФЕМИНИЗМ И НЕВИДИМЫЙ ТРУД

Георгий Мамедов

Идея этого текста возникла из наблюдения за ожесточенными дискуссиями российских (и постсоветских) феминисток и левых в Фейсбуке (т.н. «фемсрачей»).

Консолидированную и предельно ясную позицию постсоветских левых консерваторов выразил «ведущий левый интеллеktуал» Б. Кагарлицкий, написавший на своей странице в Фейсбуке, что деятельность и риторика феминисток не имеет отношения к реальным проблемам и нуждам 95% российских женщин, а борьба ЛГБТ за свои права – не более чем проблема ограниченной группы людей. Подобная позиция не только консервативная (и как таковая имплицитно мизогинная и гомофобная), но, в первую очередь, – интеллектуально ущербная и политически близорукая. Между тем, она свойственна не только последовательным левым консерваторам вроде Кагарлицкого. Ее более сдержанный и, соответственно, более распространенный вариант может звучать примерно так: «государственная гомофобия (или запрет абoртов) – это попытка правящего класса отвлечь внимание народа от реальных проблем». Или так: «главная цель левой политики – освобождение рабочего класса, которое обеспечит устранение всех других форм эксплуатации и дискриминации». Возможно, большинство левых не являются сексистами и гомофобами и готовы солидаризироваться с феминистками и ЛГБТ-активистками в рамках конкретных кампаний, но ядром противоречия все же остается вопрос о том, что является самым главным и, соответственно, определяющим для левой политики – борьба рабочих против экономического угнетения или же борьба различных угнетенных групп (женщин, ЛГБТ, мигрантов) против самых различных форм угнетения? И как таковое это противоречие не является исключительно постсоветским.

Недавний британский фильм «Pride» (2014), основанный на реальных событиях, можно вспомнить в качестве яркой иллюстрации этого противоречия внутри левой политики с середины 1980-х. Группа лондонских геев и лесбиянок начинает кампанию по сбору средств в поддержку бастующих шахтеров Уэльса. Всеобщая

национальная забастовка британских горняков, как известно, закончилась поражением забастовщиков и последующим уничтожением как профсоюзного движения шахтеров, так и добывающей промышленности в целом. Однако благодарные за проявленную солидарность шахтеры поддерживают ЛГБТ-движение и присоединяются к лондонскому прайду на следующий год. Организованная борьба рабочего класса сменяется подъемом социальных движений за гражданские права и против расовой, гендерной и сексуальной дискриминации. Эта трансформация содержания левой политики – от борьбы рабочего класса к политике идентичностей – есть важнейший противоречивый эффект неолиберального капитализма. Традиционным левым самосознанием эта трансформация переживается крайне болезненно. Даже такими авторами, как Джеймисон и Харви (если судить по текстам 1990-х), выдвигание на передний план левой политики вопросов гендерного равенства и борьбы за права ЛГБТ воспринимается как «деполитизация» и уступка неолиберальному давлению. На противоположном полюсе от Харви и Джеймисона оказывается Фуко. Некоторые исследователи (<https://www.jacobinmag.com/2014/12/foucault-interview/>) обращают внимание на то, что в последние годы жизни французский философ с определенной симпатией относился к неолиберальным преобразованиям, которые только начинали набирать силу. Экономический либерализм казался Фуко гораздо более привлекательным в силу меньшей нормативности и авторитарности, нежели реальный социализм или даже кейнсианский капитализм с его государством социального благоденствия.

Нельзя сказать, чтобы не было попыток разрешить это противоречие за последние тридцать лет. Феминистская «теория пересечений», или интерсекциональность, предлагающая исследование пересечения различных форм угнетения, доминирования и дискриминации – безусловно, одна из таких попыток. Левая теория, в которой традиционное марксистское понимание пролетариата как исключительно рабочих, занятых производительным трудом, преодолевается в категории множества, – включающей в себя не только наемных работников, но и мигрантов, домохозяек, занятых в сфере обслуживания, самозанятых, студентов, безработных, активисток и активистов социальных движений и протестов, – разрабатывается философами т.н. операистской традиции.

И все же в теоретическом и политическом аспектах кажется, что феминистское и левое движения существуют скорее параллельно. Я не хочу выступать в роли третейского судьи или повторять очевидности о необходимости диалога и взаимодействия. Моя позиция предельно ясная: левой теории и левой политике жизненно необходимо интегрировать в себя интеллектуальный и политический потенциал феминизма. В теории и практике самых различных феминизмов есть много того, что было бы полезным для левых, но я бы хотел остановиться на одном аспекте, который, однако, мне представляется крайне важным. Это анализ репродуктивного труда и труда вообще.



Перевод: проект Femics, первоисточник shalbro.tumblr.com

В марксистской теории и политике центральное место занимает продуктивный труд, т.е. труд, производящий стоимости, которыми можно обмениваться на рынке. Труд, который не производит стоимостей, а связан с воспроизводством рабочей силы – репродуктивный труд – с марксистской точки зрения революционного

значения не имеет. Репродуктивный труд чаще всего выполняется женщинами, т.к. именно женщины ухаживают за детьми, готовят и содержат в чистоте жилище. Производительный труд в качестве матрицы труда определил и политики, связанные с репродуктивным трудом в XX в. Удивительным образом, но социалистические и капиталистические политики в отношении репродуктивного труда во многом совпадали. Главной мотивацией была необходимость включить женщин в продуктивный труд, сделать работницами. Большевики предполагали, что смогут полностью обобществить репродуктивный труд (это называлось «освободить женщину от кухонного рабства»), создав целую государственную индустрию фабрик-кухонь, общественных прачечных, бань и даже детских городков. Однако уже в 1930-х все подобные проекты были признаны «вредными, утопическими начинаниями». Государство не могло и не хотело брать на себя ответственность за воспроизводство рабочей силы. В конце 1950-х началась вторая волна обобществления репродуктивного труда. В это время действительно была создана государственная инфраструктура по обеспечению материнства и детства (те же детские сады, детское медицинское обслуживание), но о полном обобществлении репродуктивного труда речи уже не шло. На женщину ложилась двойная нагрузка – она должна была быть занята и в производительном, и в репродуктивном труде. Мужчинам такие требования не предъявлялись.

Капиталистическая политика в области репродуктивного труда была мотивирована так же, как и социалистическая, – женщины должны включиться в производительный труд. Однако способом освобождения женщин от домашней работы должна была стать маркетизация, т.е. превращение репродуктивного труда в коммерческие услуги, приобретаемые на рынке. Этот процесс начался в 1970-х годах. Освобождающий потенциал этой политики оказался крайне ограниченным и включает лишь женщин из среднего класса в наиболее развитых странах, т.е. тех, кто может позволить себе домашнюю работницу, няню и питание в ресторанах. Более того, рынок коммерческого репродуктивного труда, освобождая небольшое количество женщин, еще большее порабощает. Это низкооплачиваемый труд, которым в развитых странах чаще всего заняты социально незащищенные мигрантки из развивающихся стран.

ДАЁШЬ
ПРИЗНАНИЕ
НАШЕГО
ВКЛАДА, А
НЕ ЦВЕТЫ
И МИШКИ!



Для феминизма же в центре внимания всегда находился репродуктивный женский труд. То, как этот труд из частно-семейной сферы должен был быть переведен в общественную, не должно было зависеть от роли и значения производительного труда. Одной из основных задач для феминисток было – в принципе закрепить за репродуктивным трудом статус труда. Будучи неоплачиваемым и вторичным с точки зрения как производства общественных благ, так и революционного потенциала, он оказывался практически полностью исключенным из репрезентации в качестве труда. Уход за ребенком, стирка или уборка часто представляются не трудом, требующим времени, усилий, но также и определенных навыков и квалификаций, а проявлением природных наклонностей или исторически (традиционно) сложившегося «женского предназначения» («женщина – хранительница очага»). Если репродуктивный труд не обесценивается, что часто происходит, а наоборот, ему придается некоторое символическое значение, то опять-таки не в качестве труда, а в качестве некоей аффективной деятельности – заботы, проявления любви или самой женственности. Т.е. уход за ребенком или мужем – это не труд, а проявление женской любви и заботы, или форма самореализации женщины как человека. На уровне репрезентации это представление о репродуктивном труде как аффективном выражается в гипертрофированном значении материнства в культуре. Мать концентрирует в себе всю заботу, любовь и женственность.

Таким образом, женский репродуктивный труд может быть либо вообще выведен из сферы репрезентации как несущественный, низкоквалифицированный, осуществляемый по долговременности, в силу природы или традиции. Например, если это труд невестки в семье мужа (в традиционных обществах) или работницы-мигрантки. Либо он может символически поощряться, но никогда в качестве труда, но в качестве аффективной деятельности – заботы, любви или реализации «женской сущности».

Если же мы обратим внимание на сегодняшнюю репрезентацию труда вообще, то окажется, что матрицей труда – как минимум в последние двадцать лет – является совсем не продуктивный труд (рабочего на заводе, шахтера или даже учителя или врача), а именно репродуктивный. Описанные выше две модели репрезентации – исключение из репрезентации или символическое представле-

ние, но не в качестве труда, – актуальны для разных видов труда вообще.

Труд промышленных рабочих, например, исключен из сферы репрезентации практически полностью. Современная потребительская культура не придает никакого значения тому, как производятся вещи, из чего они сделаны и как функционируют. Никто не знает, как устроен айфон, как работает интернет, какой инфраструктурой обеспечивается беспроводное соединение и т.п. Все эти вещи появляются вроде как из воздуха. То же касается сельскохозяйственного труда.

С другой стороны, в современной культуре имеет место активная репрезентация т.н. креативного труда. Образы дизайнеров, программистов, «стартаперов», напротив, довольно широко представлены в медиа и массовой культуре. Однако акцент в представлении этих профессий делается не на труде, а на образе жизни. Работа для настоящего, талантливого дизайнера или программиста – это не способ зарабатывания денег, а средство самовыражения и творческой самореализации. На уровне репрезентации креативный труд связывается с аффективной деятельностью (творческая самореализация, самовыражение). Особенно ярко сведение труда к аффективной деятельности выражено в случае т.н. дигитального труда или, как назвала его исследовательница Тициана Терранова, свободного/бесплатного труда (free labor). Это труд пользователей социальных сетей, блогеров, т.е. тех, кто производит контент в интернете (а производит его любой пользователь, нажавший кнопку «Нравится» в Facebook), но не получает за это никакой компенсации. Социальные сети получают свой доход от продажи своей аудитории рекламодателям, но аудитория социальных сетей производится самими же пользователями, которые одновременно являются и производителями контента. Эту конвергенцию производства и потребления, лежащую в основе когнитивного капитализма, описывал американский социолог-футуролог Тоффлер уже в 1970-е годы. Сами пользователи свою активность в социальных сетях в качестве труда, труда продуктивного, т.е. производящего прибавочную стоимость для владельцев социальных сетей, не опознают. В ответ на аргументированное доказательство обычно следует возражение: «но для меня же это удовольствие», «я получаю от этого гораздо больше», «меня ведь

никто не заставляет». Такими же фразами женщины часто описывают свой репродуктивный труд-«заботу».

Репрезентация труда обнаруживает прямую связь с тем, как этот труд оплачивается и в каких условиях осуществляется. Труд мигранток-уборщиц, невестки в доме мужа, рабочих по сборке айфонов в Китае или работниц и рабочих швейных фабрик в Бангладеш, т.е. тот труд, который нам практически невидим, всегда низко оплачиваем, связан с рисками для жизни и здоровья. Активно же репрезентируемый труд матери или «просумпциария» - от англ. production (производство) и consumption (потребление) - социальной сети не оплачивается вовсе, т.к. в общественных представлениях это не труд, а деятельность, связанная с удовольствием, призванием и самореализацией, а потому не нуждающаяся в материальной компенсации. В абсолютных категориях этот труд эксплуатируется в гораздо большей степени, чем труд, который оплачивается хотя бы частично.

Эти трансформации в современном производстве, стирание границы между продуктивным и репродуктивным трудом получают отражение в левой теории, в концептуализации класса. Я уже упоминал об операистах, но схожим анализом, каждый по-своему, сегодня занимаются те же Фредерик Джеймисон и Дэвид Харви. И все же очень странно, что левая теория так мало задействует потенциал и опыт феминистских теорий, занимавшихся анализом репродуктивного труда. Большее внимание к уже наработанному феминистскому анализу репродуктивного труда и его репрезентации позволит левым, как минимум, не изобретать колеса там, где уже все давно изобретено.

Стр. 15: Рисунок Самата Мамбетшаева

ТАНК И СТО БЕЗБОЖНИЦ:
КАК ОТМЕЧАЛИ 8 МАРТА В 1931 ГОДУ?

Оксана Шаталова



Чтобы ответить на этот вопрос, я прочла выпуск советского журнала «Работница и крестьянка», изданный в 1931 году и посвященный 8 марта (доступен онлайн: <http://journal-club.ru/?q=node/20513>).

Отвечу сразу: сегодняшнего варианта – Дня женственности в стиле передачи «Давай поженимся» – тогда не было в помине. Также не было традиции произнесения благодарных речей статусными мужчинами от имени всех мужчин в адрес всех женщин в их семейной ипостаси – «матерей, жен, дочерей» (как мы некогда заметили в «Хамтуалах», эта ипостась тотальна, как ковровая бомбардировка, – если ты не мать и не жена, то уж, никуда не деться, дочь: <https://www.youtube.com/watch?v=1ZUfMT7b1TA>). 8 марта 1931 года не мужчины менсплейнили о женщинах, а женщины общались между собой: работницы и крестьянки через журнал вызвали друг друга на соцсоревнование. Вообще, если судить по этому изданию, то международный женский день работницами и крестьянками понимался не столько как «праздник», сколько как дедлайн рабочих достижений. Диапазон и характер достижений женщины определяли для себя сами.

Но сначала контекст. 1931-й – год, когда сталинский патриархат начинал вступать в свои права (например, с 1930 года стал платным аборт), но еще не вступил окончательно. Семья, замужество, материнство еще не определялись как однозначное «предназначение» женщины: «В начале 30-х семья рассматривалась исключительно как помеха в работе (наследие дискуссий 20-х о семье и браке): считалось, что женщина, вышедшая замуж, сразу окунается в домашние заботы, а следовательно, начинает плохо работать и отвлекаться от общественной жизни. Особенно, если муж – не комсомолец (или не «партийный»)» (Дашкова Т. Трансформация женских образов на страницах советских журналов 1920-1930-х годов. http://www.a-z.ru/women_cd1/html/dashkova.htm).

Семейные дифирамбы придут во второй половине 30-х, а пока, в 1931-ом, тема «домашнего очага» появляется на журнальных страницах преимущественно в негативном обрамлении:

В то время как Советский Союз задачи реконструкции быта в 3 году пятилетки ставит как важнейшие общегосударственные задачи, социал-фашисты и насквозь лживые ка-

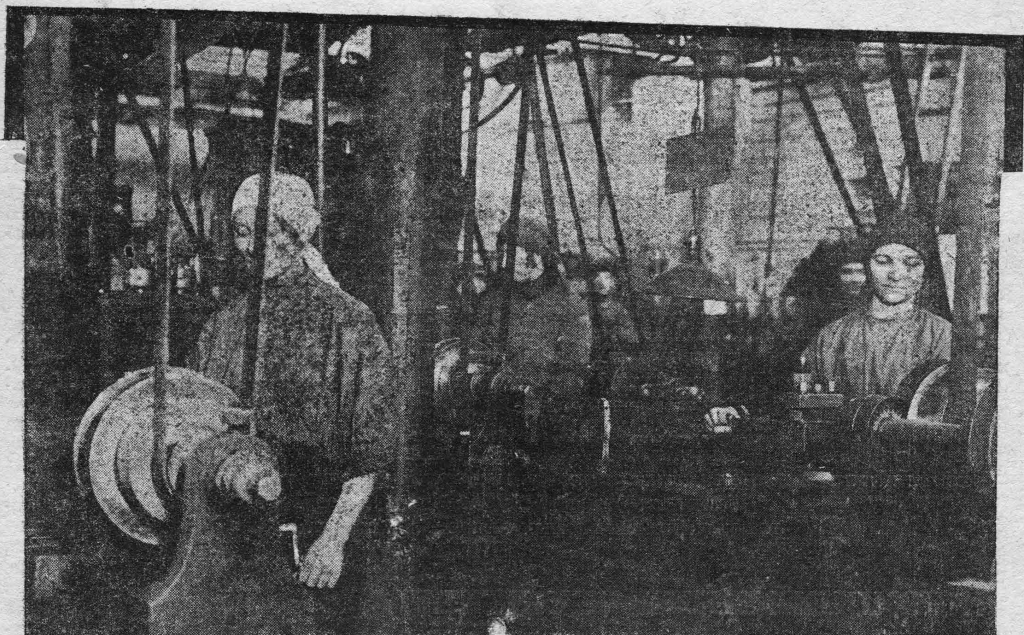
толические попы выбрасывают лозунг: «женщина должна возвратиться к домашнему очагу». Под флагом этого капиталисты думают разрядить безработицу. (Маторина Л. Крепим международную смычку. С. 12). (Здесь и далее – цитаты из: Работница и крестьянка. 1931. № 5.)

Аналогичная ситуация и с абортами, запрет которых последует через пять лет, в 1936 году. В начале же 30-х подобные запреты интерпретируются как реалии кошмарного капиталистического мира:

Лицемерие буржуазии особо яркое выражение находит в ее законах о наказуемости аборт. Как можно требовать от безработной пролетарки или жены безработного, постоянно голодающей и тем более уже обремененной семьей рожать и растить новые пополнения армии голодающих? Но во всех капиталистических странах закон запрещает аборт. Поэтому в одной Германии за 1930 г. 40000 пролетарских женщин заплатились своей жизнью за аборт, сделанный без медицинской помощи. (Маторина Л. Крепим международную смычку. С. 12.)

Какова же роль и задача женщины по версии 1931 года? Это, безусловно, занятие общественным производительным трудом, участие в процессе форсированной индустриализации (тогда шла первая пятилетка) и коллективизации. Журнал «Работница и крестьянка» провозглашает это открыто и настойчиво. Одна из передовиц констатирует катастрофическую нехватку рабочих рук в СССР. Потенциальный источник рабочей силы – деревня, но массово переселять крестьян в города нельзя из-за отсутствия жилья. Поэтому единственный выход – использовать тот человеческий ресурс, который уже проживает в городах. Т.е. женщин:

Дальнейшее развитие социалистического строительства требует мобилизации всех трудовых ресурсов страны. Количество рабочих, занятых во всех видах народного хозяйства... в 1931 году должно против 1930 г. увеличиться на 212,5 тысяч. Где взять эту рабочую силу? Если мы будем привлекать рабочую силу из деревни, станем перед острым жилищным кризисом. Да и совхозы, машинно-тракторные станции, разработки апатитов, лесов, сланцев нуждаются



Нарезат. цех завод. им. Лепсе. Домохозяйки, на производстве

Домохозяйки на производстве!

Когда я была домохозяйкой, я полностью зависела от своего мужа. Он считал, что он хозяин, потому что он зарабатывал, а я домохозяйка — нахлебница. Вся моя работа была в том, что я ухаживала за мужем, готовила ему пищу, чистила сапоги, стирала. Муж после работы уходил гулять в сад, шел в театр, а я снова, как домохозяйка, оставалась дома с детьми. Только иногда была нерадостная возможность сходить в церковь.

Теперь я работаю на заводе им. Лепсе как настоящий рабочий. Раньше муж от своей полочки уделял мне 20—30 р., а теперь я сама получаю 100—110 р. зарплаты.

Бывшие домохозяйки — на заводе

Мы, домашние хозяйки, до настоящего времени не были организованы и не имели никакой квалификации. Сейчас же мы работаем на заводе в шпильном и нарезательном цехах.

Сознавая необходимость выполнения пятилетки в четыре года и трудности решающего года, объявляем себя ударной бригадой имени журнала „Работница и Крестьянка“ и закрепляем себя за производством до конца пятилетки.

Мы берем на себя обязательства:
бороться за качество продукции,
сократить брак,
повысить производительность,
совершенно не допускать прогулов по неуважительным причинам,
вызываем последовать нашему примеру всех недавно поступивших на завод.

Домохозяйки-работницы шпильного
и нарезательного цехов

Я работаю ударницей, как требуют от меня партия и соввласть. Я отдыхаю каждую пятидневку. Чувствую себя совершенно свободной, выписываю журнал „Работница и Крестьянка“, через который поднимаю свой культурно-политический уровень. Готовлюсь вступить в ряды коммунистической партии.

Я поняла, что партия ведет нас по правильному пути. Товарищи-домохозяйки, идите на производство!

Вступайте в ударные бригады! Знамя ударниц — знамя Ленина. Оно приведет к окончательной победе социализма.

Грязнова

Наши достижения

За короткое время в нашем жакте организованы столовая закрытого типа, детская комната и различные кружки: драмкружок, кройки и шитья, кружки ликвидации неграмотности и изучения немецкого языка.

При жакте имеются своя парикмахерская, обувная мастерская. В дальнейшем в нашу работу включено снабжать детей членов жакта обедами, организовать паровую прачечную и портновскую мастерскую. Достижением также является шефство нардома над нашим жактом. Госнардом дает 50-процентную скидку на театральные постановки. С большими трудностями, но все же подвигается вперед и работа по организации детского очага.

Большинство домохозяек вовлечено в общественную работу жакта.

Калинина и Картези

не меньше города в рабочей силе. Значит, надо найти рабочую силу в городе. Это разрешит и жилищный вопрос, и проблему кадров. А в городе запас рабочей силы, еще не втянутой в социалистическое строительство, имеется в лице недостаточно втянутого в промышленность женского труда. Достаточно сказать, что в то время, как мужчин из трудоспособных занято 77%, женщин трудоспособных привлечено к строительству только 43%. А где же остальные 57 процентов трудоспособных женщин? (Кнопова Е. Быт на службу пятилетки. 3-я стр. обложки.)

Т.е. власть в силу обстоятельств была вынуждена временно забыть о том, что женский пол «слаб» – и в переносном, и в прямом смысле (показательным здесь является опубликованное в журнале письмо от «работниц железнодорожного грузбюро», то есть грузчиц, которые в честь третьего года пятилетки обязуются «уплотнить рабочий день на 100 процентов» и «тоннаж каждой грузчицы увеличить на 20 процентов» (С. 9)). Вдруг выясняется, что женщина может и должна стать полноправной участницей общественных процессов. Чрезвычайная ситуация внешних и внутренних угроз – а в 1931 году СССР еще воспринимался хрупким – требовала тотальной мобилизации, оттого женщинам дозволили разделить с «сильным полом» его ответственности и полномочия (временно – как только завершился кризис, приоритеты вернулись на круги своя). При очевидно компенсаторной функции такой эмансипации (роль патриарха, отца и мужа, не исчезает, но частично переходит к государству), тем не менее, эгалитарный вектор здесь наличествует – мужчины и женщины на равных участвуют в строительстве нового общества, разделяя поровну тяготы, но, соответственно, и права. Отсюда дискурсивная сдержанность по отношению к семье – замужние женщины заняты домашним трудом и не могут безраздельно отдаться общественному долгу. Поэтому роль домохозяйки в журнале «Работница и крестьянка» представляется как неблагодарная. Вот, например, письмо, опубликованное под заголовком «Домохозяйки – на производство!»:

Когда я была домохозяйкой, я полностью зависела от своего мужа. Он считал, что он хозяин, потому что он зарабатывал, а я домохозяйка – нахлебница. Вся моя работа была в том, что я ухаживала за мужем, готовила ему пищу, чисти-

ла сапоги, стирала. Муж после работы уходил гулять в сад, шел в театр, а я снова, как домохозяйка, оставалась дома с детьми. Только иногда была нерадостная возможность сходить в церковь. Теперь я работаю на заводе им. Лепсе как настоящий рабочий. Раньше муж от своей получки уделял мне 20-30 р., а теперь я сама получаю 100-110 р. зарплаты. Я работаю ударницей, как требует от меня партия и соввласть. Я отдыхаю каждую пятидневку. Чувствую себя совершенно свободной, выписываю журнал «Работница и крестьянка», через который поднимаю свой культурно-политический уровень. Готовлюсь вступить в ряды коммунистической партии...» (Грязнова. Домохозяйки – на производство! С. 30.)

Главный меседж письма – женщина, устроившись на работу, получила более высокий социальный статус. Но в письме не разъясняется, каким образом она совместила труд «настоящего рабочего» со списком, приведенным выше (готовка, стирка, чистка сапог). Также умалчивается о том, посещают ли супруги теперь театр вместе, и кто в это время занимается детьми. Мы можем предположить, что домашнее разделение труда, скорее всего, осталось прежним, список домработы никуда не делся, просто «настоящий труд» его заслонил. Домашний труд как был невидимым и несерьезным (несерьезность маркируется словом «нахлебница» и конструкцией «вся моя работа была в том...», т.е. «всего лишь была в том»), так невидимым и остался. Вместе с тем понятно, что решить проблему трудовой мобилизации женщин подобными бодрими письмами, т.е. одними заклинаниями и аффирмациями, было нельзя. В связи с чем пресса активно продвигала тему обобществления быта – организации детских садов, столовых, прачечных, служб доставки продуктов на дом, – на страницах «Работницы и крестьянки» этот топик определялся милитаризованным термином «бытовой поход»:

Коммуны и бытовые коллективы полностью раскрепостят женщину от мелочных семейных забот...

Бытовой поход – это ударная работа за выполнение директив партии и Советской власти о внедрении женского труда в производство. Бытовой поход – это фактическое раскрепощение женщины от «домашнего рабства». Бытовой поход это выполнение завета Ленина о привлечении женщин

к политике, к социалистической стройке...

125000 домохозяек должны пойти на производство!

Работница, ударница, делегатка, рабкорка, домохозяйка, все на помощь бытовому походу! (Кнопова Е. Быт на службу па- тилетки. 3-я стр. обложки.)

Вообще, читая журнал, обращаешь внимание прежде всего на воинственный настрой корреспонденток, являющих истинно «римские доблести», т.е. самоотверженную готовность к труду и обороне во благо государства: «Трактором, стальным конем сметем с нашего пути всех, кто мешает нам строить социализм» (С. 23). Самый красочный пример милитаристского энтузиазма – развернувшаяся на страницах журнала краудфандинговая кампания по сбору средств на сооружение танка имени «Работницы и крестьянки». Пример характерной риторики:

Учитывая военную опасность и желая участвовать в обороноспособности страны, общее собрание постановило участвовать в кружках Осоавиахима. Наряду с этим мы, работницы эстрады, в количестве 70 человек, вносим на танк имени «Работницы и крестьянки» 150 рублей и вызываем работниц искусства, работающих в цирке, «Мюзик-холле», сатире. (Председатель собрания артистка Ф. Рабичева. Ударницы искусства. С. 21.)

Помимо мониторинга танковых накоплений, работницы и крестьянки через газету наперебой объявляли себя «ударницами», – что являлось сакральным жестом инициации, переходом в модус общественно ответственного бытия. Работницы публично брали на себя обязательства – такие, как:

Бережно относиться к станкам (С. 5).

Выделить двух работниц для работы среди жен рабочих по борьбе с прогулами их мужей (С. 5).

Мобилизовать весь женский актив в деревне на выполнение задач весеннего сева... (С. 25).

Каждая делегатка обязуется выписывать какой-нибудь общественно-политический журнал (С. 31).

Провести культпоходы в театры на «1905 год», «Утопию» в феврале месяце и экскурсии в Военный музей и на производ-

ство (С. 31).

Поднять труддисциплину, ликвидировать прогулы (С. 32).

Как правило, это были коллективные инициативы, но встречались и индивидуальные:

...как послушала доклады районных докладчиков о коллективизации и переделке хозяйства нашей области, так не то, чтобы плакать захотелось, но решила я объявить себя ударницей и вступить в колхоз. Нет в нашей деревне колхоза, некуда мне вступить, но я сама организую коллективное хозяйство. В этом я обещаю. (Емельянова. Организуем колхоз имени журнала «Работница и крестьянка». С. 22.)

Важно отметить, что журналы того времени выполняли не только информационную, но и коммуникативную функцию. Журнал давал читательницам инструмент общения, подобный соцсетям. Половину объема пятого выпуска «Работницы и крестьянки» (16 страниц из 32) составляют материалы самих читательниц – письма и декларации работниц, колхозниц, участниц конференции, коммунарок, в которых они, помимо рапорта о достижениях и обязательствах, вызывают друг друга на трудовой агон:

Мы, ударницы бригады штопки шелковых чулок и бригады № 620, обязуемся вести борьбу за качество своей работы и работы бригад с катодных машин и машин 620, которые мы вызываем на социалистическое соревнование (Ударные бригады имени «Работницы и крестьянки» за качество. С. 6.)

Через журнал советские работницы и крестьянки могли общаться с зарубежными товарками: в номере приведена переписка французских крестьянок с коммунарами из Ленинградской области:

Ленинград гораздо севернее Франции. Виноград у нас не растет. Но наша коммуна «Кудрово» имеет другие, еще более интересные, достижения. В прошлом году у нас было посажено 12 гектаров огородов. А теперь у нас 180 гектар...<...> Т. Лор Даво, для того, чтобы выполнить договор о революционном соревновании между «Работницей и крестьянкой» и «Увриер», наши тридцать скотниц – работниц скотного

СОРЕВНУЕМСЯ С МОСКОВСКИМИ РАБОТНИЦАМИ



Москва. Ударница трехгорной мануфактуры т. Шалникова

НАШ ВСТРЕЧНЫЙ

Мы, работницы завода „Кооператор“, обсуждали вызов московских работниц к нам, речь тов. Сталина на промсовещании, решения декабрьского пленума ЦС и ЦКК. После этого мы считаем своим пролетарским долгом сказать и доказать практической работой, что третий решающий год пятилетки работницами нашего завода будет перевыполнен.

Производственная программа ударного квартала выполнена на 102,6%. Снижена себестоимость на 9,5%.

В третьем решающем году обязуемся:

Охватить ударничеством и соцсоревнованием 100% работниц.

Снизить прогулы и опоздания на работу работниц до нуля.

Повести активную работу по борьбе с прогулами среди рабочих. Выделить двух работниц для работы среди жен рабочих по борьбе с прогулами их мужей. Периодически созывать жен рабочих на заводе.

Брак по вине работниц снизить до половины процента.

Бережно относиться к станкам.

Экономить топливо и вести разъяснительную работу вокруг этого вопроса.

Организовать 3 бригады борьбы за качество.

Так как на производстве неграмотной и мало развитой политической работнице трудно справляться с поставленными задачами, мы обязуемся втянуть в политучебу 80% работниц и ликвидировать неграмотность на 100%. Квалификацию работниц по токарной, слесарной, счетоводно-бухгалтерской, инженерно-технической специальностям увеличить на 75%.

На случай обороны СССР даем 20 работниц мед.-сан. дела, и 25% работниц обучаем владеть всеми средствами химической обороны.

Мы бригадой вступаем в МОПР и вызываем на это всех работниц завода „Коммунар“.

На вызов Москвы мы берем на себя эти коллективные обязательства и вызываем работниц города Ленина последовать нашему примеру.

Делегация завода „Кооператор“:

Банникова, Элик, Рогозова

двора после твоего письма, дорогой товарищ Даво, заявили: «Мы ударницы, и мы желаем называться именем «Увриер». Тут же мы решили изучать французский язык. В нашем кружке 15 работниц». (Ответ кудровских колхозниц. С. 14.)

Далее ленинградские коммунарки призывают французских товарок бороться «против своих помещиков и фермеров за революцию во Франции и во всем мире», т.е. идея мировой революции тогда еще была актуальна.

Теперь вернемся к нашей теме и вспомним, что все приведенные цитаты – из выпуска, посвященного 8 марта. И всё сказанное выше в полной мере относится к этому «празднику», – а именно, он воспринимался как испытание, как тестирование гражданской ответственности, облакаясь той же воинственной (иногда с примесью конспирологии) лексикой:

8 марта – день смотра боевой готовности работниц и крестьянок всего мира, 21 годовщина международного женского дня должна показать, что под славными знаменами Коммунистического Интернационала сомкнулись ряды работниц и крестьян стран капитала и Советского Союза для общей революционной борьбы против предателей рабочего класса, против социал-демократии, фашизма, против новых кровавых войн, против интервенции в советский союз – отечество пролетариев всего мира. (Маторина Л. Крепим международную смычку. С. 13.)

8 марта работницы понимали как экзамен коммунистической этики, – еще один повод «объявить себя ударницей» и изречь дополнительные политические обеты:

Ознаменуем же наш Международный Женский День массовым вступлением лучших работниц и крестьянок, делегатов и ударниц в партию Ленина – в ВКП(б) (С. 2).

Я беру на себя обязательство к 8 марта завербовать в наш колхоз 6 беднячек-единоличниц (С. 23).

К 8 марта – Международному дню работниц и крестьянок –

мы обязуемся организовать колхозы имени нашего журнала «Работница и крестьянка» (С. 24).

Участвуя активно в социалистическом строительстве, работницы браковочного цеха, в честь 8-го марта, объявляем своей цех ударным безбожным цехом им. «Работницы и Крестьянки» и обязуемся наряду со взятыми нами обязательствами ударниц производства стать воинствующими безбожниками. Мы обязуемся повышать свои антирелигиозные познания путем изучения истории религии. Обязуемся аккуратно посещать 10 бесед по истории религии, обязуемся все, как одна, подписаться на газету «Безбожник», все, как одна, вести активно антирелигиозную работу среди работниц других цехов... К 8-му марта 1931 г. обязуемся завербовать не меньше 100 работниц в члены Союза Воинствующих Безбожников (С. 9).

В течение последующих лет – как нам слишком хорошо известно – последуют реакционные трансформации этого «праздника», в результате чего он превратится в день мимозы, бантика и зайца. Это превращение сурового ритуала в излияние сахарных соплей есть поистине наглядный урок истории.

Не могу сказать, что чтение журнала «Работница и крестьянка» 1931 года преисполнило меня особым восторгом по отношению к тамошним временам и нравам: милитаристско-этатистские присяги восторга не вызывают. Предполагаемые же картины вербовки в безбожницы вызывают тревогу, равно как и сложная тема коллективизации. Но, с другой стороны, нельзя отрицать того, что во многих опубликованных текстах сквозит проявление субъектности авторов, энтузиазм, чувство собственного достоинства и гордость. Акцент на роли женщины как работницы, гражданки, строительницы общественной жизни – без кухонно-альковного шлейфа – не может не восприниматься как глоток свежего воздуха в атмосфере нынешнего благочестия и смертной любви.

В общем, надоело. К международному женскому дню 8 марта объявляю себя ударницей. Патриархат, готовься, танки наши быстры.

8 МАРТА БЕЗ ЦВЕТОВ

Мохира Суяркулова (коллажи МС)

С приближением международного дня борьбы женщин за свои права – 8 марта, – праздника, на постсоветском пространстве странным образом мутировавшего в нечто среднее между днем матери и днем святого Валентина, всем нам стоит задуматься над истинным значением ритуала дарения цветов женщинам. Что же стоит за этой традицией? Что вы получаете вместе с букетом роз, тюльпанов или ландышей?

Говоря строго в ботанических терминах, цветы – это репродуктивные органы и гениталии растений. Потому не удивительно, что исторически во многих культурах цветы символически ассоциировались с женской сексуальностью – как в позитивном, так и в негативном смысле. Цветы часто используются для обозначения идеальной женственности (невинности, девственности и/или целомудрия) и в метафорах, проводящих параллели между определенными типами цветов и некоторыми аспектами женской анатомии, такими как вульва, половые губы, вагина, матка. Так, древние греки называли большие половые губы «губами мирта», а малые половые губы «плодами мирта» (Andrea Frownfelter. Flower Symbolism as Female Sexual Metaphor. Eastern Michigan University, 2010, p. 24. <http://commons.emich.edu/honors/238/>). Кроме того, женское половое созревание, менструация, первый сексуальный опыт, фертильность, беременность, материнство и менопауза во многих языках описываются в цветочной терминологии – так, мы говорим, что девушка «расцвела», «отдала свой цветочек» (более научно-звучащий термин с тем же значением и этимологией – «дефлорация») и соответственно используем метафору «увядания» в отношении женщин постфертильного возраста.

Поразительно, насколько универсально такое сопряжение женщин, цветов и сексуальности – его мы находим в самые разнообразные периоды и времена. У жителей Андаманских островов по сей день существует обычай давать девушкам дополнительные «цветочные» имена после их первой менструации по названию растения, цветшего на тот момент (Frownfelter 2010, p. 23).



В коллаже использованы фрагменты живописных произведений: Чарльза Кор-
тни Карана (Charles Courtney Curran) «Водяные лилии» (1888), Сандро Боттичел-
ли «Весна» (1477), Фредерика Карла Фриске (Frederick Carl Frieseke) «Дама в саду»
(ок. 1912), Джона Уильяма Уотерхауса (John William Waterhouse) «Душа розы»
(1908), Лилли Мартин Спенсер (Lilly Martin Spencer) «Мы обе увянем» (1869), Фрэн-
ка Кадогана Купера (Frank Cadogan Cowper) «Безжалостная красавица» (1926)

Цветочные женские имена распространены практически во всех культурах – Роза, Флора, Лилия, Маргарита, Жасмин, Виолетта, Гульбахор («весенний цветок»), Гульнара («цветок граната»), Бунафша («фиалка»), Наргис («нарцис»), Лола («тюльпан»), Гульзат («рожденная цветами»), Айгуль («лунный цветок») – лишь несколько примеров цветочных имен нашего региона.

В Китае также распространены цветочные женские имена, причем цветочные метафоры и терминология используются для обозначения как позитивной, так и негативной женской сексуальности. Так, цветок дикой сливы мэйхуа символизировал чистоту и неброскую скромную красоту юной девушки, однако он же являлся самым распространенным именем среди проституток Китая: «Возле ложа в публичных домах в старом Китае висели занавески с вышитым изображением цветов мэйхуа. Болезнь сифилис, которую можно было подхватить в подобных заведениях, поэтично называли «сливовый яд» или «болезнь тополя и сливы»» (Исаева Л.И. Жизнь среди символов. М.: Диалог культур, 2009. С. 146-249).

Проституция в Китае называлась «цветочным рынком». Вино, наливаемое проститутками – «цветочным вином». «Цветочные курильни» были низкокласными заведениями для курения опиума и одновременного посещения проституток, а клиент, плативший огромные деньги за дефлорацию новоиспеченной проститутки, созывал друзей на банкет в борделе – церемонию, известную как «праздник цветка» (Frownfelter 2010, pp. 29-30). Такое же противоречивое значение в китайской культуре имеет и цветок лотоса, одновременно символизируя и плодородие, и чистоту – «золотыми лотосами» называли куртизанок, а «согнутым лотосом» или «лепестком лотоса» – изуродованные бинтованием ноги женщин высшего класса, являвшиеся сексуальным фетишем китайцев на протяжении тысячелетия (подробнее о практике китайского бинтования ног читайте в широко известной статье Андреа Дворкин «Гиноцид, или китайское бинтование ног» <http://womenation.org/gynocide-foot-binding/>). Китайский реалистический роман начала XVII века, названный «Цветы сливы в золотой вазе», описывает быт зажиточного китайца и включает порнографические эпизоды, где главы названы в честь главных героинь «Золотой Лотос» Пань, «Вазочка» Ли и «Цветок весенней сливы» Пан (https://ru.wikipedia.org/wiki/%D6%E2%E5%F2%FB_%F1%EB%E8%E2%FB_%E2_%E7%E2%EB%EE%F2%EE%E9_%E2%E0%E7%E5).

Таким образом, женщины сравниваются и даже отождествляются с цветами в метафоре сексуальности, плодородия и красоты. Ведь вековая мудрость гласит, что женщина должна быть красивой, точнее, декоративной и пассивно привлекательной, как цветы, своим ароматом и цветом привлекающие опыляющих их насекомых. Как объект любования, цветок заведомо недолговечен, и, следовательно, имеет очень короткий «срок годности». Традиция ханами (любования цветами) в Японии отсылает к именно такой быстротечности бытия, а в отношении женщин цветочные образы используются для обозначения определяющих периодов жизни. Сломанные, сорванные или растоптанные цветы – часто способ аллегорического изображения утраты девственности (Annette Stott. *Floral Femininity: A Pictorial Definition*. *American Art* 6 (2), Spring 1992: 66. www.jstor.org/stable/3109092). В викторианской Англии и в британских колониях цветы также служили кодом для женской сексуальности во всех ее возможных проявлениях, в то время как «настоящим леди» приписывалось выглядеть, пахнуть и вести себя

подобно цветам – книги этикета использовали цветочную терминологию для описания благопристойной женственности (Stott, pp. 67-68). Женщины не только выглядели, пахли и украшали свои наряды живыми и искусственными цветами, принтами и вышивками, они создали богатую материальную культуру, основанную на интересе к растениям. Ботаника и ботаническая иллюстрация были среди немногих приемлемых научных и артистических занятий, доступных женщинам среднего и высшего класса того времени (Susan Branson. *Flora and Femininity: Gender and Botany in Early America*. Common Place 12 (2), 2012 <http://www.common-place.org/vol-12/no-02/branson/>). Так, отец известной американской ботанистки колониального периода – Джейн Колден – в своем письме голландскому натуралисту Яну Фредерику Гровониусу так написал о работе своей дочери: «Я посчитал, что ботаника – самое подходящее увлечение для юных леди, которые часто не знают, чем занять свое время... Их природное любопытство и удовольствие, которое они извлекают из красоты и разнообразия нарядов, делают ботанику подходящим для них занятием» (там же). Художники-префаэлиты и импрессионисты, изображавшие женщин-цветочных фей или женщин, окруженных цветами, вдыхающих их аромат, утверждали консервативное представление об идеальной женственности (Christina Bradstreet. "Wicked with Roses": Floral Femininity and the Erotics of Scent. *Nineteenth-Century Art Worldwide*, Vol. 6, No. 1 (Spring 2007) <http://www.19thc-artworldwide.org/spring07/144-gwicked-with-rosesq-floral-femininity-and-the-erotics-of-scent>)

Итак, нам стало понятно, что цветы исторически ассоциативно и символически связывались с женщинами и их традиционной ролью в обществе. В XX веке с ростом феминистского движения многие художницы в поисках позитивных способов изображения женской сексуальности без порнографии стали присваивать символизм цветов (вспомните знаменитые цветы Джорджии О'Киф), в то время как движение за мир и гражданские права 60-х годов стремилось использовать «силу цветов» (flower power) в продвижении прогрессивной политической повестки. Однако такие попытки создать новый миф и эстетику цветов были поглощены логикой рынка, растиражировавшего чувственные цветы О'Киф на подушках в сувенирных лавках и присвоившего хиппи-эстетику в качестве модного тренда.



Roxanne Werter. The World / Роксана Вертер. Мир



Коллаж из произведений Джулиуса Гари Мелчерса (Julius Gari Melchers) – Красная шапочка (1897), Молодая мать (1904), После бала (1884), Причастие (1900), Молодая женщина за шитьем (1919), Брак (1893), Невеста (1907)

Но откуда же началась традиция дарить цветы женщинам, и что же собственно – как спросила моя мама, увидев, как я пишу эту статью, – в этом акте дарения криминального? История дарения цветов восходит к глубокой древности, утверждают сайты флористов и компаний по доставке букетов. Пыльца цветов была обнаружена археологами в захоронении пещерных людей в Ираке, что отражает религиозные верования первобытных людей.



Коллаж из произведений Джорджи О'Киф (Georgia O'Keefe) – Синие цветы (1918), Светлый ирис (1924), Красная пушница (1923), Розовый душистый горошек (1927)

В культурах древнего Ближнего Востока и Греции цветы считались воплощением силы и красоты богов, они же использовались во всевозможных ритуалах и в качестве подношений богам. Отсюда и современное использование цветов в похоронных ритуалах, религиозных обрядах и прочих «ритуалах перехода».

Цветы, кроме того, издавна были способом коммуникации сложных сообщений, где каждое растение символизировало опреде-

ленное чувство или пожелание. Так, в Китае до сих пор существует обычай, когда жених, делая предложение, дарит девушке пион, цветок, символизирующий благосостояние, успех и счастье. Принимая цветок, девушка соглашается на замужество (Ульяна Толмачева. Цветочная символика в повседневной и праздничной культуре Китая. Аналитика культурологии 2 (20), 2010 <http://cyberleninka.ru/article/n/tsvetochnaya-simvolika-v-povsednevnoy-i-prazdnichnoy-kulture-kitaya>). Этот сложный язык цветов, который европейцы переняли у персов в позднем средневековье, викторианцы еще более усложнили и кодифицировали во всевозможных книгах по этикету и специальных цветочных толкователях (<http://www.goodreads.com/book/show/11601988-a-victorian-flower-dictionary>). Цветочный код стал вежливым «языком любви» в обществе, в котором многие темы и проявления чувств были табу.

В современном контексте цветы уместны как на свадьбе, так и на похоронах, как подарок на день рождения, так и в больничной палате. Цветы чаще всего ассоциируются в нашем обыденном сознании с любовью, уважением, признанием, успехом и праздником. Принимая букет цветов от коллег на 8 марта или от любимого на день рождения, вы пользуетесь старомодным кодом, в котором чаще всего дарителем выступает мужчина, а женщина становится пассивной реципиенткой пучка из стеблей и гениталий мертвых растений. Этот акт ассиметричен, так же как и обычай носить фамилию отца, а после замужества - мужа, эта традиция существует для того, чтобы напомнить всем о надлежащих социальных ролях. Кроме того, участвуя в этом, по меньшей мере странном, но, казалось бы, безобидном ритуале, вы также подпитываете многомиллиардную индустрию, эксплуатирующую работниц в странах третьего мира и наносящую огромный ущерб экологии.

Редко кто задумывается о том, откуда берутся цветы, выбирая букет у флориста или на рынке. Покупая то, что мы считаем прекрасным даром природы, чаще всего мы приобретаем продукт чрезвычайно сложного и искусственного процесса, каждый шаг которого тщательно продуман и спланирован. Цветы – это большой бизнес. Разнообразие цветов, их количество, даже цвет и размер отражают быстро меняющийся спрос и моду на мировом рынке. А рынок требует огромного количества свежих цветов в любое время года. Именно поэтому большинство цветов мира выращиваются про-



мышленным способом на плантациях в странах Африки и Южной Америки, где много солнца и дешевой рабочей силы. Финансовые институты, пропагандирующие неолиберальную политику развития в странах так называемого третьего мира – Международный Валютный Фонд, Всемирный Банк и Американское агентство по развитию (USAID) – поощряют развитие цветочной индустрии как оптимальное решение для стран, находящихся в финансовом кризисе. Цветочный бизнес – хороший пример того, как функционирует мировая экономика в условиях глобализации. Бедные страны глобального Юга с низким уровнем оплаты труда и слабыми законами по охране окружающей среды производят продукцию, в то время как развитые страны Севера владеют монополией на техно-

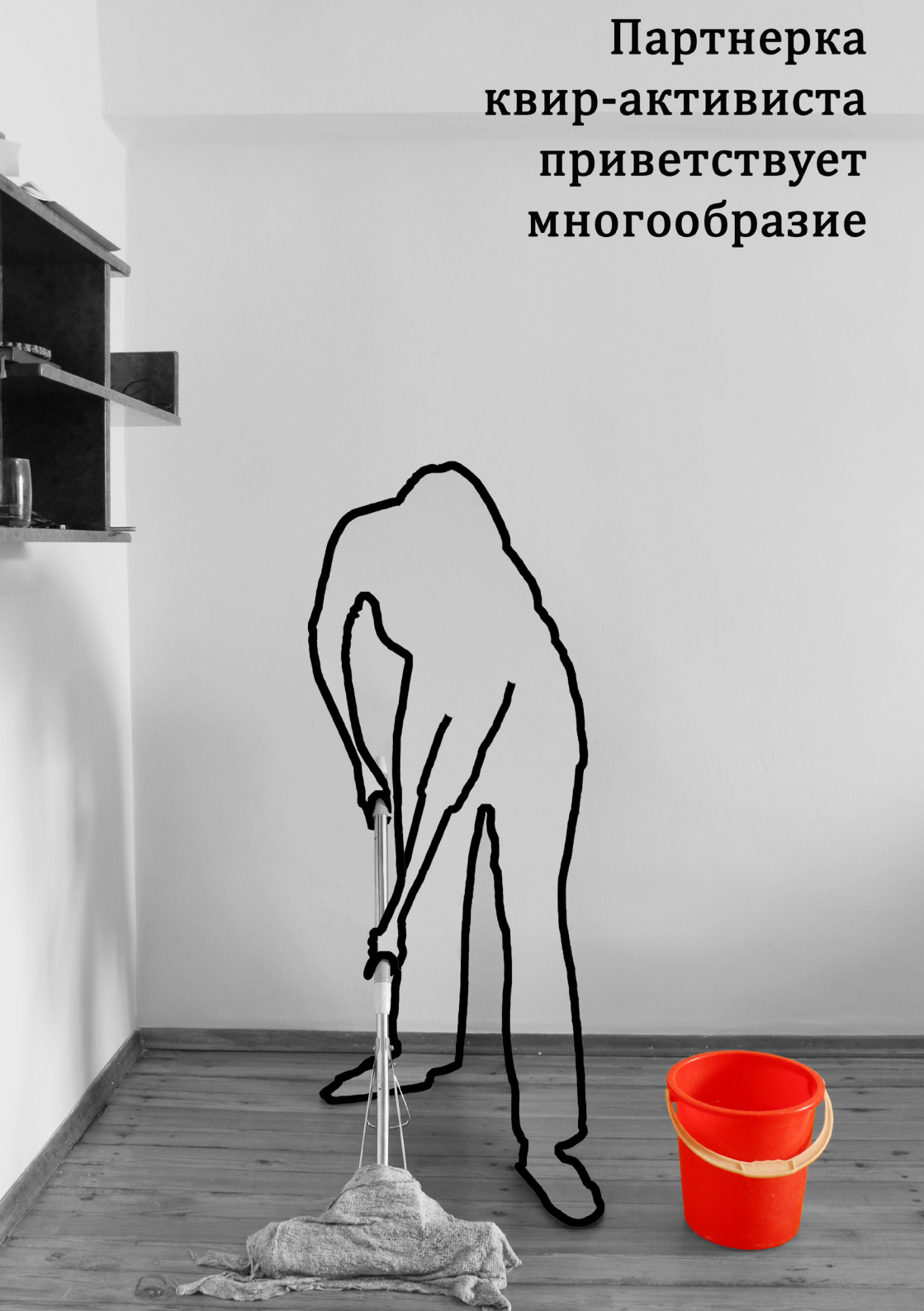
логию и ноу-хау и контролируют рынок. Так, Нидерланды начиная с XVII века доминируют на мировом рынке флорикультуры, служа мировым центром торговли и хранителем секретов и передовых технологий, в то время как Колумбия, Эквадор, Замбия, Зимбабве, Кения и Танзания – крупнейшие производители цветов в южном полушарии.

В развивающихся странах от 65 до 70 процентов работников цветочной индустрии – это женщины (VIDEA. Deceptive Beauty: A Look at the Global Flower Industry, Global Citizens for a Global Era. Vol 1, Issue 5, May 2002, p. 4 http://www.vidae.ca/resources/deceptive_beauty_ch1.pdf). Работницы цветочных плантаций трудятся во вредных или опасных условиях, без социальных гарантий и защиты, подвергаются дискриминации (часто женщины работают с ядовитыми химикатами без защитной одежды, перчаток и масок, рядом с мужчинами в полной униформе), домогательствам и сексуальному насилию и теряют работу в случае беременности. Работницы цветочных плантаций годами работают по временным контрактам и чаще всего не состоят в профсоюзах, а индустрия делает все возможное, чтобы предотвратить самоорганизацию рабочих. Пестициды, фунгициды и прочие опасные химикаты не только наносят долгосрочный и серьезный урон здоровью рабочих, но и приводят к ужасным последствиям для окружающей среды. Парники потребляют огромное количество воды в местах с недостаточными запасами воды, а пестициды, попадая в источники и в грунтовые воды, отравляют всю экологическую систему.

На кыргызстанский рынок цветы попадают из Голландии, Израиля, Кении, Эквадора, Колумбии и Китая (florist.kg). Поэтому, если уж вы очень любите цветы, их многоцветие, многообразие и аромат, то не лучше ли наслаждаться их прелестями в местах их естественного произрастания, во время прогулок в ботанических садах, в походах или на фотографиях, вместо того, чтобы получать забальзамированные «трупик» и наблюдать, как они медленно разлагаются в вашей любимой вазе.

В день же международной борьбы женщин за свои права проявите солидарность с работницами цветочных плантаций и не поддерживайте корпорации, наживающиеся на эксплуатации их труда.

Партнерка
квир-активиста
приветствует
многообразие



ВНУТРЕННЯЯ МИЗОГИНИЯ И ВНУТРЕННИЙ СЕКСИЗМ ЧАСТЬ 3: НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

(Нач. в вып. 1,2)

Айканыш Абылова

Ключевые слова: внутренняя мизогиния, внутренний сексизм, горизонтальная враждебность, микроагрессия, синдром королевы улья, религия, миф, репродуктивный труд, слатшейминг, невидимость, доминирование, власть, корпоративная культура, доброжелательный сексизм

Internalized Misogyny

A term made up by feminists to silence other women who disagree with their opinions.

Urban dictionary

Интернализированная мизогиния

Термин, придуманный феминистками, чтобы заткнуть женщин, не согласных с их мнениями.

Городской словарь

«Мы, конечно, стараемся тоже работать, но быть наравне с вами не можем – ведь женщина сделана из ребра мужчины», – произносит речь моя религиозная начальница 23 февраля. А я молчу. Более того, я даже аплодирую этим словам, хотя я уже 4 месяца посещаю феминистские собрания. Активно высказываясь в безопасных сообществах, в остальных местах я привыкла сдерживать свои реакции, чтобы не дать людям повода снова сказать что-то враждебное или банальное. Я наблюдаю за мужчинами – может ли быть среди них хотя бы один, у кого мелькнет сомнение на лице. Но нет. Преподаватель кафедры естественнонаучных дисциплин подчеркнул, что именно киргизки произошли от ребер Адама. Театр абсурда продолжался, и мы, женщины, хоть и с унылым видом, «съели» весь этот бред.

Сочетание корпоративного обезьянничания, традиционализма и сексизма невыносимо давит на меня. Но мы не имеем право оскорблять мужчин своим превосходством, поэтому необходимо искус-

ственно принижать свой уровень. Мы ответственны за то, чтобы вдохновлять мужчин на лидерство и властвование над нами, показывая свою покорность и преданность. Без власти над людьми мужчины чахнут и теряют смысл жизни, спиваются, скуриваются, сыгрываются, и в этом виновны женщины, рвущиеся к власти. Поэтому - как бы мужчины невероятно ни возвышали себя и ни принижали нас, надо внимать и слушать, надо уважать, даже если понимаешь, что это не так, иначе хрупкое мужское эго не выдержит ужасной реальности. Надо быть смиренными работницами и показывать свои способности, а уж высокое начальство само решит, оценить или не оценить. В области образования, где преобладают женщины, мужское доминирование не менее выражено, а выражено через внутреннюю мизогинию.

МЫ – В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ЖЕНЩИНЫ, А ПОТОМ СПЕЦИАЛИСТЫ

Я думала, что женщина-начальница будет больше продвигать по службе, чем мужчины, ведь ей тоже приходилось начинать с «подай-принеси». Однако мне, кажется, давали задания только для того, чтобы я не зря получала зарплату. Я должна была заботиться о своем карьерном росте сама, находя себе какие-то возможности повышения квалификации. А пока можно и с тряпкой поработать. «Молодец, очень чисто, а вот тут пятно осталось». «Молодец, но надо лучше». «Я купила тебе набор губок и тряпок, наш шеф не терпит грязи». «В Германии школьник бы это сделал, а вы не можете». Ну, я считаю, и кыргызстанский школьник отлично справился бы.

Кстати, у меня была должностная инструкция, где не было ни слова сказано о таких заданиях, которые научили бы меня полезным навыкам наведения чистоты и порядка. Мне советовали поступить в магистратуру, чтобы стать не просто лейтенантом, а генералом тряпок. Я буду управлять десятками людей со швабрами. Как мило, и так тешит мое самолюбие. Перед каким-то важным приемом я буду ходить по коридорам и возмущаться: почему так аляписто оформили вывески?! Где бесцветный скотч? Кто так высоко вешает? Почему везде следы от пальцев?

В приемной у ректора уже больше 20 лет работает секретарь. Обидеть и довести до слез ее очень легко. Достаточно налить ей чай в последнюю очередь или тихо поздороваться. Она не услышит и

подумает, что ее не уважают. Ее неуравновешенность все списывают на то, что она живет без мужа. И, похоже, она поверила в это сама. Но, мне кажется, что дело в должности секретаря. Как писала Бетти Фридан, ее зовут только тогда, когда кому-то что-то надо. Надо подать, налить, убрать...

Моя начальница защитила диссертацию на английском по геоинформационным системам. Ее уважают, но за глаза сплетничают о том, что она не замужем, и у нее нет детей. Спрашиваю у своей сослуживицы: – Вы когда-нибудь видели женщину – доктора наук? Она мне ответила: – Да, жену Борубаева видела. Когда у женщины что-то не получается, ей советуют попробовать себя в роли матери и жены. Часть девушек моей группы не справилось с заданиями на экзамене. Им посоветовали выйти замуж и рожать детей. Когда у женщины что-то получается – ровно то же самое. Индире Джолдубаевой, претендовавшей на должность генпрокурора КР, при обсуждении ее кандидатуры посоветовали родить детей.

Женщин не допускают к принятию важных решений, рекомендуя довольствоваться ролью исполнителей. Двойная нагрузка и низкая оценка труда как в денежном, так и в общественном мнении – вот причины, по которым женщины разочаровываются в своей профессиональной деятельности. Им приятнее думать и говорить о тех процессах, в которых от них что-то зависит: любовь, дом, дети, семья. Работодатели недолюбливают женщин с амбициями, стремящихся к повышению. Работодатель часто цинично полагает, что женщине материально помогает какой-нибудь мужчина, поэтому не платит ей достойную зарплату. Неудивительно, что «розовые воротнички» радуются связи с мужчинами, которые отведут в дорогие места, которые им недоступны, и за праздными развлечениями они забудут и о своей неблагодарной работе, и о классовой принадлежности.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ СЕКСИЗМ

Иногда доброжелательный сексизм проявляется в том, чтобы давать задания женщинам, «которые те в состоянии выполнить». Это мешает женщинам как специалистам проявить и улучшить навыки профессионализма. Также доброжелательный сексизм может проявиться в том, что ваша коллега-женщина советует вам обратиться



к мужчине за помощью в устранении проблем с компьютером. Иногда принятие женщинами доброжелательного сексизма возникает как реакция на враждебный сексизм. Например, на форуме «Дизель» развернулась дискуссия о гендерном неравенстве при приеме на работу. «Почему именно девушка маркетолог, дизайнер, менеджер по продажам и т.д.? Чем мужчины хуже?» – было сказано в топике. Пользователь Лариса74 на это привела психологические и экономические «причины», на деле же просто свела способности женщин к умению очаровывать:

Как правило, на работу, требующую общения с людьми и представления какого-либо продукта, берут девушек, потому что в такой работе большую роль играет подсознательный фактор фасцинации (fascination - от англ. очарование). Вот почему маркетолог, менеджер по продажам и т.д. (также, например, в рекламе чаще используется образ молодых девушек и детей, чем мужчин, например). А вот среди дизайнеров, кстати, много мужчин, ибо это требует хорошего пространственного видения. А вот представить уже готовый макет (проект) клиенту – опять же – девушка, и это понятно, почему.

Казалось бы, такая радикальная редукция могла бы удовлетворить сексистов. Разумеется, этого оказалось мало, некоторые пользователи начали высказывать откровенную мизогинию. Когда был рассказан известный анекдот про Арбатову, Лариса74 оправдала существование женщин на этой бренной земле тем, что:

прежде всего женщина выносила мужчину в чреве своем, женщина родила мужчину, женщина вскормила его грудью, женщина воспитывала его в детском саду, женщина лечила его в больнице, женщина учила его в школе и институте... а если серьезно, то спорить на эту тему бессмысленно, ибо еще давно сказано было: "мужчина и женщина есть одна плоть" (Быт.24) и каждый наделен для жизни своими обязанностями: кому то – сталь лить, а кому-то – детей рожать.

СЛАТШЕЙМИНГ

Однажды я подрабатывала у известной правозащитницы. Период

работы у нее, с одной стороны, запомнился мне безденежьем, с другой – сильными эмоциональными и умственными нагрузками. А в какой-то момент это стало экспериментом. Я добавила ее в социальных сетях и писала после этого посты, так же как и прежде, на темы секса, например. Она говорила, что ее инфаркт чуть не хватил от моих постов. Говорила, что менталитет наш не позволяет писать такие вещи. Когда я ей пояснила, что я лишь обращаю внимание на лицемерие отдельных парней, которые называют себя мусульманами, мои разъяснения произвели прямо противоположный эффект. После этого начальница думала обо мне невесть что.

Как-то я сидела в коридоре и работала. Ко мне подошел мужчина и что-то спросил. Потом он предложил пойти в столовую поесть. Не в моих правилах отказываться от еды, согласилась. Это позволило моей начальнице впоследствии обращаться со мной в грубом и насмешливом тоне. Она предложила мне роль проститутки в фильме, сценарий которого она писала. А потом оказалось, что это было остроумной шуткой.

Рассматривая мои фото в социальных сетях, она смеялась над внешностью моих подруг. День ото дня ее отношение ко мне ухудшалось, и я понимала, что штатной работы мне не видать, да и работать с таким человеком я не хочу. Большую часть тех работ, которые я выполнила, она объявила ненужными ей, так как она уезжала в США.

ОТСУТСТВИЕ СОЛИДАРНОСТИ

Как писала Симона де Бовуар:

...они объединены с себе подобными только по признаку пола, чисто механической общностью: между ними нет необходимой органической солидарности, служащей неперенной основой для всякого однородного сообщества; во все времена — начиная с элевсинских мистерий и до наших дней, когда появились клубы, салоны, благотворительные общества, — женщины старались объединиться, дабы утвердить свой «контрмир», только делается это все равно в недрах мира мужского. Отсюда и парадокс их положения: они одновременно принадлежат миру мужчин и той сфере, где этот



мир вызывает вечные споры; вот и мечутся они, замкнутые в своей, женской, сфере и одновременно осажденные миром мужчин, и нигде не могут утвердиться прочно.

Иногда действительно существуют неравноценная отдача в партнерстве двух женщин. Та, что поддерживает другую, не получает в ответ той же поддержки. А получает эту поддержку и благодарность мужчина. Участница исследования Энн Литвин «Тень и свет: изучение закономерностей отношений среди женщин на рабочем месте» говорит:

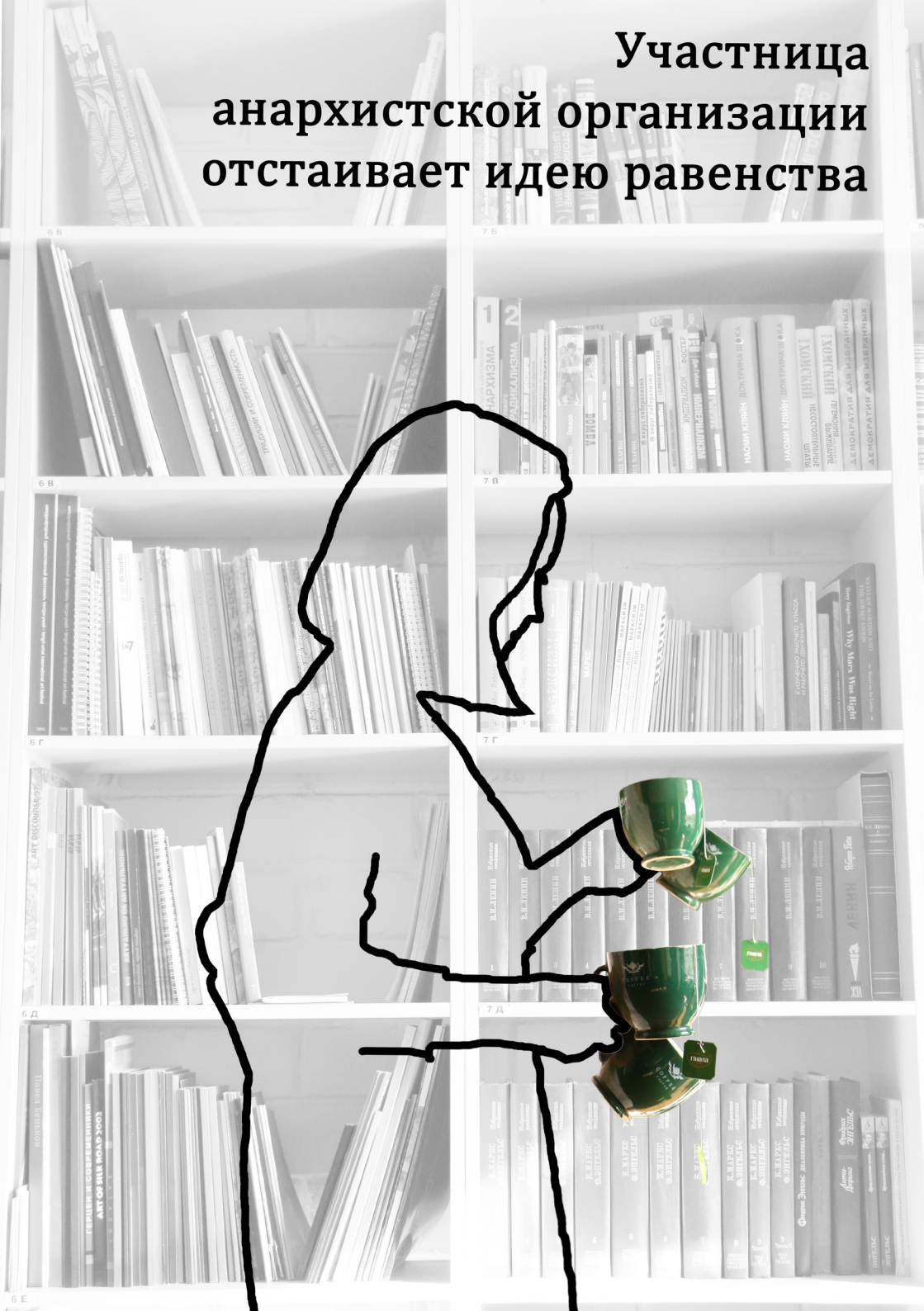
Вы играете по мужским правилам, потому что нет ни одной женщины у власти – так что вы не можете быть слишком близки с женщинами, потому что это отнимает у Вас возможность подняться по карьерной лестнице.

Так, женщина, добившаяся успеха в традиционно мужских отраслях, препятствует другим женщинам так же добиться успеха. Это называется «Синдром королевы улья». В 95% женщины сталкивались с этим явлением в какой-то период своей карьеры.

Это в значительной степени объясняется тем, что патриархальная культура работы вынуждает тех немногих женщин, которые поднялись к вершинам власти, удерживать ее любой ценой. Было бы недостаточно объяснять проявления внутренней мизогинии женщин просто очевидными фактами и обстоятельствами. Слишком протяженным по времени и сложным явлением стал патриархат. Внутренняя мизогиния связана и со статусом женщины как Другого, и с социальными конструктами, неадекватной адаптацией в период социализации, и со многими другими факторами.

Стр. 44, 47: Коллажи Айканыш Абыловой

Участница анархистской организации отстаивает идею равенства



6 Б

7 Б

6 Б

7 Б

6 Г

7 Г

6 Д

7 Д

6 Е

О ЧЕМ ГОВОРЯТ В ЖЕНСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Weird Sister

Большинство из нас проводит большую часть своего времени на работе. И именно в рабочем коллективе, от коллеганок и начальства мы усваиваем стереотипы и модели поведения, в том числе связанные с поведением мужчин и женщин. Участвуя в обсуждениях того, что «правильно» и «неправильно», работающая женщина учится вести себя согласно «норме», дабы не стать изгоем общества. Ниже мы хотим перечислить некоторые мифы, бесконечно воспроизводимые в женском коллективе.

НАМ НРАВИТСЯ БЫТЬ «ЖЕНЩИНАМИ»

Когда речь заходит о феминизме, многие женщины склонны отрицать необходимость борьбы за свои коллективные права, часто произнося фразы вроде «Да, мы против насилия, но феминистки слишком все загибают, находят проблемы там, где их нет» или «У нас в стране еще все неплохо, это же не Африка, где женщинам обрезания делают», «Большинству женщин нравится готовить, сидеть дома, ухаживать за детьми, это же в конце концов ее предназначение! Мужчина не сможет сделать это лучше нее». Такие высказывания поддерживают воображаемую модель «идеальной жены», сидящей дома, не перечашей мужу, выполняющей свои супружеские обязанности. То есть женщины, работающие вне дома – включая тех, от кого такие мысли исходят – представляются некоей аномалией, отклонением от нормы.

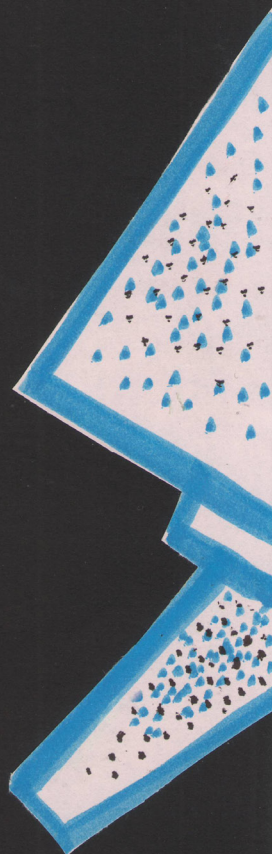
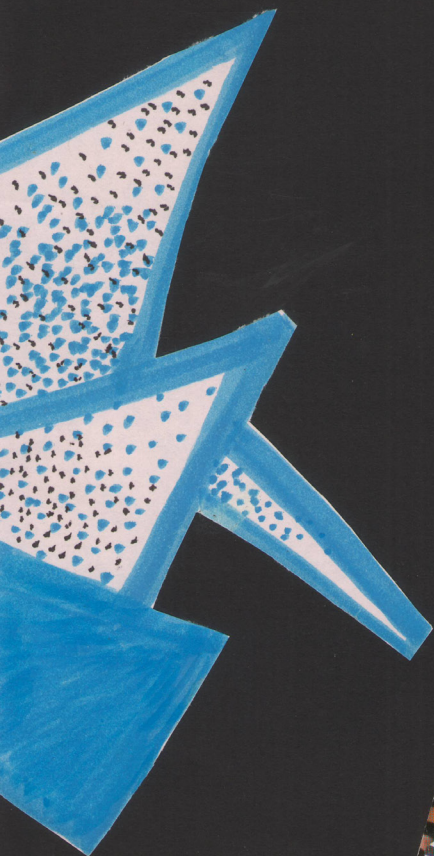
Тех, кто решает пойти против такой узко заданной роли в жизни, встречают осуждением и критикой всего общества, в том числе и других женщин, которые зачастую оказываются самыми громкими голосами в хоре неодобрения. В период временного правления Розы Отунбаевой я несчетное количество раз слышала от родственниц и соседок, что женщина не может руководить государством. Когда начинаешь спрашивать: «Почему?», на тебя сыплются стандартные, ничем не обоснованные аргументы, от «Ее предназначение следить за семьей, а не лезть в политические интриги», «Она все равно ничего не сможет изменить» вплоть до явно оскорбительного «Женщины – дуры» (но уже, как правило, из

уст мужчины)... Удивительно, что многие действительно верят, что уровень «женского» интеллекта ниже «мужского», в доказательство чего приводится счет мужчин среди президентов, ученых, лауреатов Нобелевской премии, изобретателей и т.п. Так никто ведь и не спорит, что в этих сферах мужчин действительно больше, но не потому, что у женщин мозг хуже работает, а потому, что у женщин никогда не было равных возможностей заниматься наукой и политикой, потому что на протяжении истории женщинам прежде всего отводилась роль «подруги человека» (а значит «недочеловека», судьбу которого мог решать (и решает до сих пор) любой, кроме нее самой). Она – мама, обязанная посвятить свою жизнь детям, она – жена, она – невестка, она – любовница, она – служанка, она – посудомойщица, она – уборщица; то есть постоянно выполняет вспомогательную функцию... Когда же ей проводить химические опыты, сочинять оперы, писать картины, заниматься политической деятельностью?

Миф о том, что «женщине должно нравиться заниматься только домашними заботами», зачастую мешает многим женщинам строить свою карьеру. Общество навязывает ей именно эту модель поведения с самого рождения, не давая свободы самостоятельного выбора. И, естественно, на работе женщина будет чувствовать, что ей не обязательно делать карьеру, ей не обязательно выкладываться, потому что у нее есть другое «истинное» (более важное) предназначение. Отсюда же и отношение сослуживцев и начальства - мол, «что с нее возьмешь - она же женщина».

НЕПОЛНОЦЕННОСТЬ ЖЕНЩИН

В патриархатном обществе женщины определяются через их отношение к мужчинам и обретают субъективность только посредством ассоциации с ними. Женщина без партнера (молодого человека/мужа) кажется всем ущербной, люди вокруг начинают ее жалеть, успокаивать, удивляться, почему же «такая красавица» до сих пор одна. И не удивительно поэтому, что у девушек, которые по общественным меркам «засиделись в девках», развивается чувство неполноценности. Всем известно, что женщина не должна быть одна! Ей надо сначала выйти замуж, затем родить детей, а потом нянчить внуков – постоянно быть с семьей. Если женщина живет одна, ей приходится ответить на кучу вопросов о том, почему



она не замужем, не имеет детей и т.д. Потому что в общепринятом понимании немислимо – быть одной! Ведь у нее есть «природой данное предназначение», очень, кстати, удобное для мужчин и детей – посвятить всю свою жизнь служению близким и родным, при этом жертвуя собственными интересами, планами, здоровьем, а иногда и жизнью (как в случаях с материнской, родовой и послеродовой, смертностью).

И важно понимать, что утверждения о неполноценности женщин, конечно же, сказываются и на нашей трудовой деятельности. Они перерастают в чувство неполноценности, некомпетентности и беспомощности в трудовой сфере. Идея об изначальной слабости людей женского пола, недалекости, неумении трезво оценивать ситуацию и принимать верное решение в делах «серьезных» всегда будет стоять на пути самореализации, потому что по отношению к женщине начальство испытывает недоверие, ей не поручаются серьезные задания, ее не повышают по карьерной лестнице и т.п. В обществе женщины, успешно сделавшие карьеру, вызывают удивление – всем кажется, что мужчина более способен, а женщине это стоит огромного труда. Но вся ирония в том, что в этой мысли есть часть правды, но не в интеллектуальном отношении, а в плане количества усилий, которые необходимо приложить женщине – из-за общественного устройства и места в нем мужчин и женщин.

ДОБРОВОЛЬНАЯ ЖЕРТВЕННОСТЬ

Воспитание девочек и женщин в духе самопожертвования приводит к тому, что они добровольно, без сопротивления отказываются от возможностей и ресурсов в пользу мужчин. Фразы вроде «Он же мужчина» дисциплинируют тех, кто пытается высказывать сомнения насчет такого порядка вещей. Хорошим примером служит такая банальная ситуация, как коллективный досуг и совместный отдых, называемый «корпоративом». Если женщины все же смогли отпроситься у своих мужей, то просят назначить время «вечеринки» на ранний вечер, или им приходится приводить с собой детей на это мероприятие. В результате отдыха как такового не получается. Почему? Потому что она – женщина, а он – мужчина! Ему позволено встречаться с друзьями, пить пиво, но «боже упаси» попросить его взять с собой детей на отдых с друзьями! А женщинам лучше не ходить на поздние мероприятия (кто же тогда при-

готовит ужин, уложит детей спать?!), и пусть она только попробует там выпить алкоголь и курить! А если все же муж милостиво позволил тебе пойти на «корпоратив», то идти на него нужно с детьми. А что? Не ему ведь за ними смотреть весь вечер. Таким образом, возложение обязанностей репродуктивного труда на женщин не позволяет им социализироваться в коллективе, свободно общаться с коллегами в неформальной обстановке, налаживать деловые контакты. Даже на корпоративе женщинам не позволено забывать о своей «настоящей» и «основной» работе.

Ожидание добровольного репродуктивного обслуживания мужчин женщинами распространяется и на рабочее место. К примеру, когда коллеги вместе обедают, после трапезы со стола убирает и моет посуду кто-то из сотрудниц. Такое положение вещей считается нормальным. Мало того, что женщина у себя дома выполняет бесплатный труд, она продолжает заниматься этим и в офисе. Такое поведение мешает женщине и ее коллегам оценить ее профессиональные качества, видя ее прежде всего в обслуживающей и второстепенной роли.

И КАК ЖЕ БЕЗ «ФОРМУЛ КРАСОТЫ»...

В современном мире женщине мало быть хорошей матерью и женой, ей еще ставят в обязанность быть красавицей. Женщины во время неформального общения на работе часто обсуждают «секреты красоты». Почти во всех женских коллективах, где мне приходилось работать, я постоянно слышала причитания коллежанок, что надо худеть (причем так говорят даже те, кто в принципе подпадает под иллюзорные современные параметры красивого тела). Сотрудницы делились советами о самых эффективных диетах для похудения, способами избавиться от целлюлита, отбеливания кожи лица, увеличения размера груди, ресниц и прочих модификациях тела. Все эти разговоры ведут к депрессии и расстройствам пищевого поведения, так как априори невозможно соответствовать всем параметрам идеальной красавицы. Доходит до того, что женщины мечтают о токсикозе во время беременности, чтобы похудеть или вызывают у себя рвоту сразу после еды, чтобы пища не успела усвоиться. Индустрия красоты зарабатывает миллиарды именно потому, что постоянно указывает нам на некие «недостатки» и предлагает приобрести продукты для их устранения. Посто-



янная неуверенность, переживание из-за внешности, усталость и вялость от недоедания отнимают силы и отвлекают от работы.

Это, конечно, далеко не полный список сексистских формул, которые женщинам приходится слышать на работе от других женщин, которые участвуют в деле воспитания других и себя в духе патриархата посредством ритуального повторения заклинаний о женственности, жертвенности и красоте. Но, думается, что раз у женщин есть сила воспроизводить стереотипы и «нормы», то они могут также направить свои силы на разрушение всех этих гендерных стереотипов, на прекращение самоугнетения женщин и угнетения со стороны общества. Женщины могут начать поддерживать друг друга, а не соперничать. Женщины могут отказаться от обслуживания мужчин на работе и высвободить уйму времени и энергии на продуктивный труд. Можно сэкономить на кремах от морщин и ультрамодной одежде и потратить эти деньги на хобби или что-то, что доставляет вам радость, способствует личному росту, образованию, повышению квалификации. На мой взгляд, этого не стоит бояться. Свобода женщины в полном понимании слова (от всех предрассудков) не означает вырождение рода человеческого и конец цивилизации, а несет освобождение и пользу для всего человечества.

Стр. 52: Коллаж Айканыш Абыловой

Стр. 55: Рисунок Самата Мамбетшаева

Подруга социалиста
выбирает
прогресс



В ДОМЕ ХАОС И БЕСПРЕДЕЛ

опрос о распределении домашнего труда

Премьера предыдущего выпуска «Weird Sisters» состоялась на выставке «Феминистская (арт)критика», организованной в конце ноября 2014 года в Минске нашими коллежанками из инициативной группы «Гендерный маршрут» (<http://gender-route.org/>) Ириной Соломатиной и Татьяной Щурко. Выставка получилась отличная – сложная, вдумчивая и острая, – но останавливаться на ней я не буду, т.к. уже написаны замечательные рецензии Ольги Шпараги (http://gender-route.org/articles/sex_gender_practice/feministskaya_art_kritika_kak_sdelat_vidimym_nevidimoe_nasilie/) и Оксаны Брюховецкой (<http://artukraine.com.ua/a/zhenah-khudozhnikov-sovremennogo-iskusstva-cenit-svobodu-tvorchestva>).

Посетителям выставки предлагалось внести вклад в подготовку нашего зина, ответив на вопросы: **«Как вы делите работу по дому? Кто ее выполняет в вашей семье?»**. За два дня, которые я присутствовала на выставке, было получено более пятнадцати ответов, за что спасибо респондент_кам.

Вначале я планировала представить обобщенный обзор в цифрах и процентах. Но, ознакомившись с анкетами, сочла, что интереснее привести некоторые ответы целиком (возможно, сократив какие-то слишком персонализированные моменты). Большинство участни_ц сошлись в том, что работу следует делить с партнер_кой поровну либо не делить вообще, не обращая внимание на быт, – тратя на него минимальное время «по остаточному принципу». Т.е. в целом картина получилась довольно оптимистичной. Думаю, это связано со спецификой аудитории, – посетители феминистской выставки, скорее всего, опознают проблему <обычно феминизированного> домашнего труда именно как проблему и стремятся к освоению практик эгалитарного общежития. Либо это люди, которые, по их свидетельству, живут одни и потому не сталкиваются с гендерным аспектом репродуктивного труда. В связи с этим, на мой взгляд, в качестве отчета лучше подойдет не количественное, а качественное представление этого микроисследования; формат не обзора, но личных историй.

Читать большинство ответов оказалось очень приятно. Какой-то почти свершившийся феминистский рай. Или его преддверие. Мне, например, понравилась опция: если нет времени, можно и не убирать. То есть в данном случае не придумывается схема распределения труда, а просто упраздняется жесткая необходимость в труде. Уборка происходит, когда есть время и настроение, а не планируется специально. Такое решение кажется возможным, когда «бытовая энтропия», «беспорядок» в равной степени не беспокоит всех проживающих. В противном случае ситуация чревата конфликтом: та партнер_ка, для которой «грязь» неприемлема, будет вынужден_а убирать больше. Но, судя по приведенным анкетам, их авторки в равной степени не испытывают особого беспокойства по этому поводу.

Вообще, комплексы по поводу «грязи» – проверенный патриархальный «позорный столб». «Неряха», «нечистоплотная» – приговор для девочки, постыдность которого тщательно вбивается в голову в процессе социализации. «Грязь» – страшное проклятие, медиализированный миф мам и бабушек, поддержанный производителями чистящих средств. От внушенной ими санитарной паранойи трудно избавиться. Есть еще другой диагноз – «беспорядок». Это уже эстетическая категория, так же неприемлемая для «тыждевички», – когда вещи лежат «неаккуратно», а не геометрически безупречными стопками (этому я так и не научилась, мамыны стопочки полотенец навевали тоску); нужно все поверхности выровнять, разгладить, избавить от складок.

Иногда трудно понять, что «грязь» и «беспорядок» мешают не тебе, а неким общественным цензорам, изъясняющимся поговорками типа «унитаз – лицо хозяйки» или «грязь в доме – грязь в душе». Эти цензоры, являющиеся либо в виде укоряющих родственниц, либо в форме чувства вины, порой доводят женщин до самоистязаний, подобных такому:

«Я не знаю что мне с собой делать, но я ужасно ленивая. ... мои каждодневные обязанности ограничиваются готовкой ужина, мытьем посуды и уборкой за кошкой. Глажу рубашки раз в неделю мужу. Полы мою тоже раз в неделю, иногда и реже... у меня много свободного времени, которое я не знаю, на что тратить и поэтому торчу перед ноутом или читаю

книги с утра и до вечера... ..не могу себя заставить, например, вычистить духовку до блеска или помыть окна... ..муж бросает вещи, где захочет, оставляет стаканы у дивана и тарелки на диване, но я ему все прощаю, т.к. он работает много и вечером имеет право погрязнуть... поругайте меня что ли... своей силы воли нет...» (<http://www.babyblog.ru/community/post/domovodstvo/1696141>).



*Микаэла. Антропологическая реконструкция. Инсталляция.
Фрагмент*

Идеальная жена занята всегда, это машина со 100-процентным КПД, у нее нет отдыха в принципе, ведь к машине понятие «отдыха» неприменимо: она либо работает, либо отключена. Авторка цитаты испытывает чувство вины за то, что имеет досуг (машина работает вхолостую).

Инсталляция «Антропологическая реконструкция» московской художницы Микаэлы на выставке «Феминистская (арт)критика» наглядно свидетельствовала эту ритуальность домашнего труда – труда, равного времени бодрствования женщины. Этот труд должен быть нудным, трудным, многочасовым, – борьба с «беспо-

рядком» не прекращается ни на минуту. Инсталляция предъявляла процесс глажения как странный архаичный ритуал – тщательный в своей обстоятельной бессмыслице.

Кстати, этот ритуал сейчас и воспринимается отчасти архаичным. Вряд ли глажение постельного белья сегодня является нормой, но еще недавно наши мамы и бабушки гладили не только одежду, но и простыни, и даже носовые платки, объясняя это действо как акцию по борьбе с остаточными микроорганизмами – теми, что случайно выжили в стирке. Также еще недавно существовали такие санитарные акции, как кипячение и крахмаление белья, ныне полузабытые. Однако отмирание каких-то форм репродуктивного труда отнюдь не означает того, что отмирает сам этот труд, – но это может наглядно демонстрировать условности представлений, некогда казавшихся незыблемыми. Призывы же к борьбе за гигиену – обычно лишь форма патриархатной дрессировки женщин.



Микаэла. Антропологическая реконструкция. Инсталляция. Фрагмент

Итак, думаю, ответы на нашу анкету будут интересны многим как опыт осмысления того, что домашний труд – не «долг» и тем более не «удел» или «доля». Это серьезная трата физических, интеллектуальных и волевых ресурсов. И как расходовать эти ресурсы, как тратить свои силы, энергию, время, – вопрос вашего выбора. Как неоднократно прозвучало в ответах, дом это приватное пространство, «часть меня», и оценивать качество этого пространства можешь только ты сам_а. Так же, как одна из респонденток, я давно перестала приглашать в гости родственницу, которая, приходя с визитом, проводила пальцем по стеллажам.

Оксана Шаталова

КАК ВЫ ДЕЛИТЕ РАБОТУ ПО ДОМУ? КТО ЕЕ ВЫПОЛНЯЕТ В ВАШЕЙ СЕМЬЕ?

вопросы к посетитель_ницам и участни_цам выставки «Феминистская (арт)критика»

- *I live alone, so I do all my работу по дому by myself.*
- Я живу вместе с подругой – пополам снимаем квартиру... Честно говоря, работу по дому никто не делает. Мы пол не мыли уже 5 месяцев. Туалет тоже. Посуду моем, когда чистая заканчивается. Со стиркой тоже. Когда все вещи грязные – тогда стираем. Мы две художницы. Нам некогда. И мастерская у меня в комнате, где я живу, – просто не будешь каждый раз убираться. Так что стараемся, конечно, но не успеваем. Поэтому – кто меньше устала, та и делает. Часто обе очень устаем. Думаю, примерно поровну получается.
- Я живу один. Поэтому не делю работу по дому. Иногда и не делаю работу по дому вообще из-за нехватки времени. Мой дом – там, где я.
- Убирает дом тот, у кого меньше дел. Готовит тот, кто хочет, а иногда мы заказываем еду. Всё класс, только, может, носки по дому собираю чаще я. Если что, я женщина, живу с мужчиной.
- В моей семье 2 женщины, я и моя партнёрка. Мы не делаем многие работы по дому, например, мы перестали утюжить, потому что когда мы спросили друг у друга, важно ли нам самим иметь стрелки на брюках, оказалось, что это было для кого-то чужого. Наши друзья не говорят нам, что у нас «не убрано», даже если номинально это так.

Я пробовала освоить концепцию «flylady» (О. Ш.: оптимизация домашнего труда по методике американки Марлы Силли – когда работа делится на 15-минутные этапы: http://www.rusrep.ru/2008/36/bystraya_uborka) в прошлом году, но почувствовала, что она забирает всё моё личное время. Распределение обязанностей по дому так, чтобы это было «удобным всем», не учитывает мое

желание побыть с собой. Я почувствовала, как попадаюсь на удочку чужих фантазий о «хороших девочках» и отказалась от этого. Теперь мы убираем дома, когда нам мешает пыль.

Мои родственники всегда позволяют себе оценку нашего частного пространства, когда приходят. Поэтому мы стараемся их не звать домой. Я бы хотела защитить свой дом от чужих оценок – дом странно оценивать, это часть меня.

- *Мы составляем график уборки!*
- *В доме хаос и беспредел. Никто не убирает.*
- *Я люблю готовить и готовлю. Мой партнер убирает, моет посуду, кухонную технику – он делает это более качественно, чем я. Детей нету. Но если у нас ремонт – этим занимаюсь я.*
- *Здравствуйте, дорогая редакция! Знаете, а я люблю работу по дому... точнее, грязь я ненавижу больше, чем работу. К работе я отношусь философски: выполняю ее с фанатизмом и полной отдачей, и тогда кажется, что делаешь что-то значительное и не устаешь.*
- *Готовит супруг, уборка делится: кухня на нем, зал мой. Спальня – оба. Ванная – моя. Туалет – его. Иногда можем меняться, в зависимости от настроения/состояния. Уборка происходит, когда захотим. Не раз в неделю точно. Окна моет наша подруга, которая иногда приходит к нам потусить и задерживается на неделю. Она просто любит это, а мы не замечаем.*

Человеческие сообщества в период расцвета нуклеарной семьи

Ритуал Глаженной Рубашки

реконструкция информационного и материального аспектов ритуала



Данные современной антропологии свидетельствуют о развитии так называемого *Ритуала Глаженной Мужской Рубашки* в период расцвета института *нуклеарной семьи* (XX — начало XXI веков). Ядром ритуала служил акт *глажения*, считавшейся женской частью ритуала. В рамках *нуклеарной семьи*, женщины посвящали *глажению* от 15 минут до 5 часов своего личного времени в неделю. В случае, если женщина посвящала себя работе в святилище, называвшимся *прачечной* — до 40 часов в неделю. Обучение девочек так же происходило внутри *нуклеарной семьи* и, по некоторым свидетельствам, начиналось очень рано: уже в 5-летнем возрасте девочка могла освоить ритуал в игровой форме. Возраст 8-10 лет считался оптимальным для овладения полноценным взрослым *утюгом* — основным ритуальным инструментом. Хотя степень участия конкретной женщины в ритуале варьировалась, навыками *глажения* владели 90% женщин.

Известно, что в XX веке *глажение* уже не составляло табу для мужчин, однако традиционно мужчины должны были исполнять свою часть ритуала — а именно, *Ношение Глаженной Рубашки*. Перед осуществлением социальных контактов мужчины облачали верхнюю часть своего тела в *Глаженую Рубашку*, что по нашим данным, символизировало социальный статус и достаток ее владельца. Вероятнее всего, данный ритуал являлся составной частью более сложного социального обряда. В структуралистской школе предполагается, что это был *Кульٹ Настоящего Мужчины*, тогда как функционалисты выдвигают гипотезу был *Культа Бесплатного Домашнего Труда*. Известно, что, как и девочек, мальчиков начинали приучать к ритуалу с детства.

В нашей музейной коллекции воспроизведены материальный и информационный аспекты ритуального *алтаря* — алтарная *доска*, культовые женские *утюги*, примеры ритуальных правил и норм, регулирующих *глажение*. В экспозиции так же представлены отлично сохранившиеся образцы *Рубашек*, фото-свидетельства мужской части ритуала, видео и аудио свидетельства женской части ритуала, исполняемого в домашних условиях.

Микаэла. Антропологическая реконструкция. Инсталляция. Фрагмент

**Жена художника
современного искусства
ценит свободу
творчества**



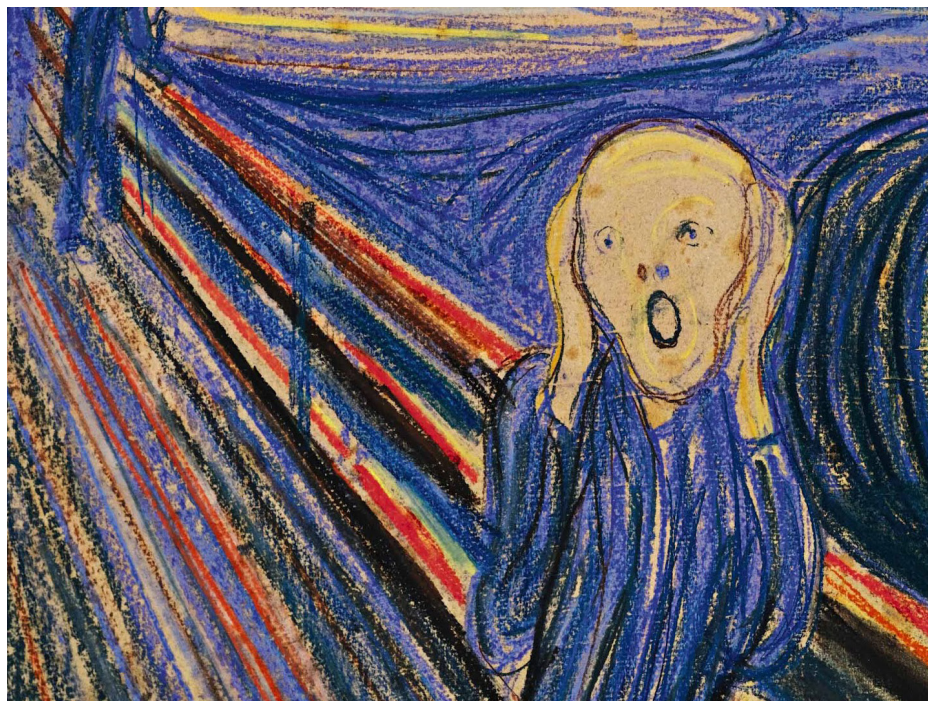
РУБРИКА «СДЕЛАЙ САМ»

серия открыток-раскрасок «Блин, что подарить?»

Самат Мамбетшаев

Любовно-февральская и цветочно-мартовская суматоха в поисках подарка для лучшей подруги/красавицы-половиночки/трудолюбивой исполнительницы/снисходительной шефини порой преподносит самые креативные решения. Но вот она узнала про #феминизм и всё такое... Блин, что подарить?

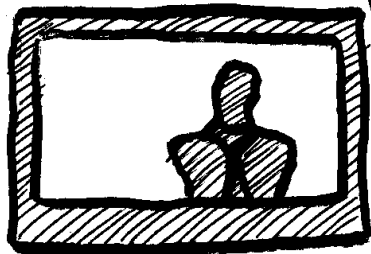
Агонизирующий Крик «советует», как устроить всё так, чтобы оно было и оставалось чики-пуки.



Фрагмент картины Эдварда Мунка «Крик», 1893

ЦВЕТЫ И ЭЛИКСИР
«СКУПАЯ МУЖСКАЯ
СЛЕЗА» НЕЗАМЕТНО
И ЭФФЕКТИВНО
ПОМОГУТ ДАЖЕ САМОЙ
БУЙНОЙ ЖЕНЩИНЕ
ЗАНЯТЬ СВОЁ МЕСТО
И СМИРИТЬСЯ С
ПАТРИАРХАТНЫМИ
ПРАВИЛАМИ ЖИЗНИ.





СООБЩЕНИЕ О
ФЕМИНИЗМЕ В
ПАТРИАРХАТНЫХ
МАСС-МЕДИА:

НЕПРАВИЛЬНОЕ
ПОНИМАНИЕ
ФЕМИНИСТСКОЙ
ПОЛИТИКИ
ГАРАНТИРОВАНО!





ГОЛУБКА «МАСКУЛИННОСТЬ»
В ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ
ПАТРИАРХАТНОГО
ДОМИНИРОВАНИЯ.

УРА! УРА! УРА!



БОНУС ДЛЯ ВАС!
МОЛОДЫЕ ЖЕНЩИНЫ ОТ 16
ДО 25 ЛЕТ ДОВОЛЬНЫ
СВОИМ ПОЛОЖЕНИЕМ И
УЖЕ ВЕРЯТ, ЧТО ВСЕ
ЖЕНЩИНЫ ПОЛУЧАЮТ
ЗАРПЛАТУ И БЕНЕФИЦЫ
НАРАВНЕ С МУЖЧИНАМИ.

Невероятно исчезающая женщина

Левая политика, феминизм и невидимый труд

Танк и сто безбожниц: как отмечали 8 марта в 1931 году

8 марта без цветов

Внутренняя мизогиния и внутренний сексизм.
Часть 3: На рабочем месте

О чем говорят в женском коллективе?

В доме хаос и беспредел

Рубрика «Сделай сам»